

**ИНСТИТУТ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ПРОБЛЕМ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА**

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

№ 2Р

**Посткоммунистическая трансформация:
ОПЫТ ПЯТИ ЛЕТ**

Сборник докладов

Москва, 1996

Институт экономических проблем переходного периода

Основан в 1992 г.

**Учредители: Академия народного хозяйства при Правительстве РФ и
Российская Академия наук.**

Директор: Е.Т.Гайдар

Редакционная коллегия: В.Мау, Н.Главацкая, Е.Мисанченко

Научное редактирование: Н.Главацкая, Е.Мисанченко

Компьютерный дизайн: Н.Добрецов

Техническая подготовка текста: И.Ходенкова

Лицензия на издательскую деятельность № ЛР 021018 от 09 ноября 1995 г.

103918, Москва, Газетный пер., 5

тел.(095) 229-8497, FAX (095) 203-8816

Институт экономических проблем переходного периода

© Институт экономических проблем переходного периода, 1996.

В работе представлены доклады участников международной конференции, проведенной в Институте экономических проблем переходного периода 2-3 декабря 1995 года и посвященной проблемам перехода социалистических экономик к функционированию в рыночных условиях.

Доклады сгруппированы по трем основным направлениям, дискуссия по которым составляла основное содержание конференции. Отнесение доклада к той или иной тематике в известной степени условно, поскольку в своем выступлении каждый докладчик стремился осветить как вопросы теории трансформации, так и практические достижения и проблемы разных стран с переходной экономикой.

Раздел ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЫНОЧНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ содержит доклады, касавшиеся уроков рыночных преобразований. Выступавшие из разных стран пришли к выводу о необходимости проведения последовательных мероприятий, которые с некоторыми особенностями были реализованы во всех странах с переходной экономикой: либерализационные мероприятия, мероприятия по финансовой стабилизации, открытию экономики и структурные реформы. Обсуждались вопросы применения стандартных форм регулирования в финансовой сфере, функций государства и границ государственного вмешательства в экономику, а также широкий круг вопросов социально-политического характера.

В разделе РОССИЯ ПОСЛЕ ПЯТИ ЛЕТ РЕФОРМ представители аппарата правительства России и международных финансовых организаций обсуждают итоги пяти лет трансформации российской экономики, успехи и основные проблемы в свете предстоящих парламентских и президентских выборов.

ОПЫТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ В РАЗНЫХ СТРАНАХ обобщают и сравнивают представители стран ближнего и дальнего зарубежья. Отмечалось существование глубоких взаимосвязей трансформационных процессов во многих странах, обсуждались особенности хода реформ, их зависимость от последовательности проводимой правительствами политики. Участники конференции проанализировали стадии развития рыночных реформ в отдельных странах и поделились опытом проведения различных мероприятий по преобразованию экономики, полезным для государств, находящихся на этапах их осуществления.

Список выступавших:

I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЫНОЧНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Е.Гайдар - директор ИЭППП, депутат Государственной Думы I созыва	1
А.Илларионов - директор Института экономического анализа	7
В.Гельбрас - профессор ИСАА МГУ им.М.В.Ломоносова	11
М.Домбровски - директор Центра социальных и экономических исследований, в 1990-1991 гг. заместитель министра финансов Польши.	13
С.Васильев - заместитель министра экономики России	20
Т.Вульф - глава постоянного представительства МВФ в России	23
П.Сутела - руководитель департамента Национального банка Финляндии	25
В.Найшуль - директор Института национальной модели экономики	26
Ч.Блитцер - руководитель экономического департамента представительства Мирового Банка в России	28
М.Тардош - председатель комиссии по экономике Народного собрания Венгрии	30
А.Олейник - кафедра общей экономической теории экономического факультета МГУ им.М.В.Ломоносова	32
В.Боксер - председатель исполкома Московского отделения партии "Демократический Выбор России"	35

II. РОССИЯ ПОСЛЕ ПЯТИ ЛЕТ РЕФОРМ

А.Чубайс - первый вице-премьер Правительства России (в настоящее время генеральный директор некоммерческой организации Фонд "Гражданское Общество")	39
Е.Ясин - министр экономики России	44
С.Малле - руководитель департамента Восточной Европы Организации экономического сотрудничества и развития	47
О.Вьюгин - начальник департамента Министерства финансов России (в настоящее время заместитель министра финансов России)	54
С.Алексашенко - заместитель директора экспертного института РСПП (в настоящее время заместитель председателя Центрального Банка России)	57
А.Верников - советник исполнительного директора МВФ от России	59
Р.Евстигнеев - заместитель директора Института международных экономических и политических исследований РАН	64
М.Афанасьев - первый заместитель руководителя РЦЭР при Правительстве РФ, ответственный секретарь комиссии по неплатежам Правительства РФ	66
М.Дмитриев - заместитель директора Института экономического анализа	70
Л.Гордон - главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН	73
С.Марков - старший научный сотрудник Фонда Карнеги	75
С.Павленко - руководитель РЦЭР при Правительстве РФ, заместитель председателя комиссии по экономической реформе Правительства РФ	78

III. ОПЫТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ В РАЗНЫХ СТРАНАХ

В.Пинзеник - вице-премьер Правительства Украины	81
С.Богданкевич - президент Академии банковского и финансового бизнеса, депутат Верховного Совета Белоруссии, в 1991-1995 гг. председатель Центрального Банка Белоруссии	84
А.Андреасян - министр экономики Армении	87
Р.Микаешвили - заместитель министра экономики Грузии	89
Р.Скидельски - профессор Уорвикского университета, член Палаты Лордов Великобритании	91
Я.Ростовски - декан экономического факультета Центрально-европейского университета, Польша	96
М.Мюллер - член Опекунского Совета по проведению приватизации в Восточной Германии	99
Д.Ганболд - председатель Национально-Демократической партии Монголии	103

I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЫНОЧНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Е.ГАЙДАР

директор ИЭППП, депутат Государственной Думы I созыва

Мы открываем конференцию на тему “Посткоммунистическая трансформация, опыт пяти лет”.

Со многими коллегами, собравшимися в этом зале, мы обсуждали проблемы посткоммунистической трансформации с середины 80-х годов на семинарах в Санкт-Петербурге, в Москве, на серии очень полезных семинаров, организованных в свое время Институтом прикладного и системного анализа в Спорное. Тогда выявился набор основных сюжетов, определились основные проблемы и дискуссионные вопросы, связанные с переходным периодом после распада коммунистического режима, и которые тогда представлялись наиболее интересными и наиболее важными.

Давайте просто вспомним, что нам было ясно и что не ясно более пяти лет тому назад, еще до начала реальных экономических реформ в посткоммунистическом мире.

Было ясно, что основные направления реформ, скорее всего, будут включать либерализационные мероприятия, мероприятия по финансовой стабилизации, по открытию экономики, структурные реформы.

Наши дискуссии шли по трем основным направлениям.

Первое - это блок проблем, связанных с тем, в какой мере постсоциалистическая экономика будет вести себя по меньшей мере в инфляционной и денежной области примерно так же, как ведут себя традиционные рыночные экономики. По этой проблеме существовало две точки зрения.

Первая из них состояла в том, что экономики эти настолько специфичны, что в них стандартные формы регулирования инфляционных процессов, скорее всего, не будут действовать, по крайней мере, не будут действовать надежно.

Другая точка зрения связана с тем, что стандартные зависимости между денежной массой, валютным курсом, темпом инфляции, спросом на деньги будут проявляться и в этих экономика, но может быть с некоторыми изъятиями.

Второй круг проблем был связан с альтернативой скорости реформы: максимально-решительные, радикальные реформы после развала социализма или постепенные, более медленные реформы.

Третий круг проблем, который очень активно обсуждался, - это проблемы, связанные с последовательностью преобразований: что раньше - либо приватизация, либо либерализация, либо демонополизация и т.д. И здесь тоже выявилось две наиболее широко представленные точки зрения.

Сторонники первой выступали за принцип, в соответствии с которым необходимо как можно быстрее начинать преобразования по всем основным направлениям реформ. И только сама неизбежная разная длительность либерализационных, стабилизационных и приватизационных мероприятий будет определять, что можно сделать на том или другом этапе.

Вторая точка зрения состояла в том, что можно и необходимо разрабатывать детальные программы постепенных реформ, где каждый следующий этап предполагает выполнение целого комплекса работ на предшествующем этапе.

На мой сегодняшний взгляд, опыт всех стран, выходящих из развалившегося социализма, позволяет дать достаточно определенный ответ на три когда-то главных и самых сложных и спорных вопроса.

Первое. Инфляция оказалась существенно более денежным феноменом после социализма, чем это предполагали даже самые горячие сторонники того, что она скорее всего будет идти так, как ей велит экономическая теория. И, кстати говоря, по вполне понятным причинам: мы вынуждены были жить в условиях высокой инфляции, как правило инфляции, превышающей 50-100% в год, а это как раз тот режим, для которого традиционное построение денежной теории оказывается наиболее применимым, и который в наибольшей степени позволяет надежно прогнозировать темпы инфляции, темпы валютного курса, скорость обращения денег и т.д. На мой взгляд, это полный провал неденежных теорий инфляции, теорий структурной инфляции, превышающей 50%, это в высшей степени бесспорный интеллектуальный результат последних 5 лет.

Второе. Сравнение опыта стран, пытавшихся проводить наиболее радикальные и наиболее последовательные реформы, и тех, кто пытался двигаться медленнее достаточно убедительно показывает, что только там, где реформы были наиболее радикальными и наиболее последовательными, достигнуты наиболее благоприятные экономические результаты. Именно там раньше всего начинается экономический рост, рост благосостояния, именно там, если посмотреть в динамике, наименьшее падение доходов за период преобразований или рост реальных доходов. Разумеется, здесь есть естественные проблемы разных стартовых условий. Был особый случай Венгрии - страны, которая далеко продвинулась по пути рыночных реформ к моменту развала социализма, где реформы были постепенными, так как готовились много лет. И тем не менее сегодня, сравнивая экономическое положение Венгрии с экономическим положением Польши или Чехии, мы видим, что сравнение это отнюдь не в пользу результатов более постепенной, более медленной трансформации.

Третье. Нигде не удалось решить проблемы приватизации и демонополизации до начала либерализационных мероприятий. Может быть присутствующие в этом зале приведут примеры удачно разработанных и выполненных поэтапных программ экономических преобразований, построенных по принципу "первая колонна марширует, вторая колонна марширует, третья колонна марширует и т.д." Насколько мне известно, это не удалось нигде. Очень быстро проявилась разная временная протяженность различных реформенных мероприятий: наиболее короткая для инфляционных, более длинная для стабилизационных мероприятий, наиболее длинная для приватизационных мероприятий. Сегодня, на мой взгляд, в полной мере доказали свою бесплодность попытки разрабатывать программы реформ в форме подготовки диспозиции к битве при Аустерлице.

Прошедшие пять лет будут предметом самого тщательного изучения в рамках экономической теории, так же как и периоды гиперинфляции после Первой и Второй мировых войн, поскольку прошедший период дает много нового для понимания собственно экономических закономерностей. Самый естественный пример - прекрасная, я думаю многим здесь присутствующим известная, работа М.Бруно и В.Эстерли по взаимосвязи инфляции и экономического роста была выполнена на совокупности данных, не включавших посткоммунистические системы, но все, что произошло после развала коммунизма, подтверждает выво-

ды, сделанные в этой работе, включая блестяще отмеченный стержневой порог - 40% годовых, начиная с которого инфляция в полной мере разрушительно действует на рост. Это один из примеров того, как опыт позволяет нам существенно углубить общетеоретические представления об экономике.

Я надеюсь, что эти вопросы принадлежат уже скорее экономической истории, экономической теории, что этот комплекс проблем уже решен, может быть с течением времени только Северная Корея и Куба столкнутся с аналогичными задачами, и для них это будет представлять практический интерес. Надеюсь, что в подавляющем большинстве стран этот тяжелый первый период после развала социализма уже завершен. Но именно поэтому сейчас, на мой взгляд, на повестку дня выступают другие более долгосрочные проблемы, связанные с посткоммунистической трансформацией, к решению которых мы только сейчас подступаем.

Когда мы назвали наш Институт Институтом экономических проблем переходного периода, многие наши коллеги несколько с юмором спрашивали: а сколько же мы предполагаем продлится этот переходный период? К сожалению, анализ долгосрочных экономических тенденций показывает, что родимые пятна социализма на возникающих рыночных экономиках будут проявляться на протяжении не месяцев и лет, а на длинной исторической перспективе. Именно они задают тот набор альтернатив в экономической политике постсоциалистических экономик и тот набор наиболее серьезных рисков для этих политик, с которыми будут сталкиваться в разных социально-экономических условиях все, кто выходит из социализма.

Есть довольно хорошо выявившиеся долгосрочные макроэкономические тенденции развития рыночных экономик. Скажем, тенденция постепенного роста доли ресурсов, перераспределяемых через государственный бюджет по мере роста уровня валового внутреннего продукта приходящегося на душу населения, когда есть, с одной стороны, свобода маневра от либеральных к социал-демократическим режимам, а с другой стороны, область допустимых значений, не позволяющая далеко перешагнуть за пределы имеющихся возможностей. Вы не найдете экономик с уровнем валового внутреннего продукта на душу населения в 3-5 тыс.долл., которые перераспределяли бы 40% своего валового внутреннего продукта через бюджет. Точно так же, есть известные законо-

мерности, определяющие возможности маневра в области военных расходов по их доле в ВВП. Есть известные закономерности постепенного развития социальных программ, финансируемых за счет бюджета по мере роста экономического развития. С точки зрения всех этих закономерностей выходящие из развалившегося социализма экономики окажутся в аномальном положении, существенно отличающемся от условий, в которых находятся сопоставимые по уровню развития рыночные экономики, экономики не знавшие социалистического эксперимента.

Во-первых, даже после первых стабилизационных мероприятий постсоциалистические экономики получают в наследство государственные расходы, существенно более высокие, чем те, которые характерны для рыночных экономик этого уровня развития.

Во-вторых, и это особенно относится к России, существенно более высокие военные расходы, традиционно более высокая доля военного сектора в экономике, чем та, которая характерна для рыночных экономик, не знавших социализма.

В-третьих, они получают уровень развития социальных программ, отнюдь не слишком расточительный по стандартам наиболее богатых и обеспеченных рыночных экономик, но существенно более высокий, чем тот, который характерен для стран их уровня развития.

И, в-четвертых, они получают экономику, в которой нет сложившейся традиции легитимизации частной собственности и нет традиций, легитимизирующих складывающееся распределение доходов.

На мой взгляд, этот набор специфических черт задает основные точки напряжения в долгосрочном экономическом развитии этих стран. Я не знаю примеров, когда бы существенные и ставшие привычными социальные программы были без катастрофических социальных и политических последствий отменены. Вопрос - как и почему они сложились - вопрос интересный для экономической истории. Надо понять, что если определенный набор социальных гарантий, начиная от пенсионной системы и кончая бесплатным образованием и здравоохранением, установился и стал привычным, то любые попытки свер-

нуть эти гарантии заведомо невыполнимы, по меньшей мере, они заведомо невыполнимы в условиях демократии. Это задает область допустимых значений.

Если это так и если уровень социальных программ, доставшийся в наследство, крайне высок по стандартам рыночных экономик, это значит, что область допустимых значений для дотаций и военных расходов существенно ниже, чем для рыночных экономик, не знавших социализма. Тайвань мог позволить себе успешно развиваться, имея военные расходы, характерные для устойчивых рыночных экономик, потому, что он очень постепенно развивал любые другие формы нагрузки на свой бюджет. Для постсоциалистических экономик возможности маневра в области военных расходов существенно ниже, чем область маневра для стран, не прошедших социализм. Точно так же абсолютно неоправданными являются ссылки на дотации, которые используются в рыночных экономиках, не прошедших социализм, как обоснование возможности и допустимости такой широкомасштабной практики в наших условиях, поскольку у них иная история, у них нет этого сформировавшегося уровня не снижаемых социальных программ.

Короче говоря, это означает, что условия экономической политики, финансовой политики, по меньшей мере в двух областях - в области дотаций и военных расходов, - являются более жесткими для постсоциалистических экономик, чем для экономик, не прошедших социализм. И здесь на самом деле выявляется вполне понятная стратегическая альтернатива, сопоставимая со стратегической альтернативой выбора медленных и постепенных или быстрых и решительных реформ. Это либо осуществление программ, позволяющих существенно повысить эффективность использования средств, направляемых на реализацию социальных программ, с контролем за динамикой этих расходов, не допускающих их разбухания при неэффективных тратах, и одновременные меры, позволяющие резко ограничить расходы по другим направлениям государственного бюджета. На этой основе обеспечивается преодоление финансового кризиса и создается база устойчивого экономического роста.

Непоследовательные колебания приводят к возврату к популистской политике дотаций и к попытке броситься по пути демилитаризации экономики. Но тогда совершенно неизбежен острый финансовый кризис, неразрешимы в среднесрочной перспективе финансовые проблемы, неизбежны перемежаю-

щиеся периоды краткосрочных стабилизационных усилий и периоды экономики популизма, хорошо известные многим из присутствующих по опыту ряда латиноамериканских государств.

Короче говоря, в этом случае мы получаем хроническую ситуацию нестабильности, которая в силу уже нам хорошо понятной и проверенной зависимости между инфляцией и темпами экономического роста, блокирует возможности последнего, порождает дополнительный перераспределительный конфликт и сильнейшее политическое напряжение, связанное с попытками восстановить механизм подавленной инфляции, хорошо известный по нашему экономическому прошлому.

Вот, на мой взгляд, та довольно жесткая развилка, перед которой мы находимся. Конечно, есть вполне очевидные, хотя и печальные для нас взаимосвязи между тем, как решался первый набор проблем - радикальные или постепенные реформа, - и тем, в какой степени соответствующие страны имеют шансы решить второй набор долгосрочных проблем. Ясно, что там, где реформы были наиболее радикальными и давними мы видим экономический рост. Шансы создать базу устойчивого развития там существенно выше, чем в экономиках, которые, испытали дополнительные издержки непоследовательных и колеблющихся реформ. Тем не менее, нет оснований полагать, что эта зависимость является жесткой и заданной и, на мой взгляд, любая ответственная политика в посткоммунистических странах в значительной степени определяется тем, в какой мере мы сможем отойти от развального сценария и задать дорогу для структурных реформ, закладывающих базу устойчивого роста.

А.ИЛЛАРИОНОВ

директор Института экономического анализа

Е.Т.Гайдар упоминал работу Майкла Бруно и Вильяма Эстерли, посвященную взаимосвязи между инфляцией и долгосрочным экономическим ростом. Работа была сделана на материале более чем 130 стран мира за более чем 30-летний период, с 1960 г. по 1992 г. Нечто подобное мы постарались сделать на примере более чем 30 стран Центральной и Восточной Европы, бывшего Советского союза, стран, находящихся в переходном периоде.

Мы обнаружили некоторые закономерности, о которых я и хотел бы рассказать.

Первое. Инфляция во всех без исключения странах является денежным явлением. Есть два основных параметра: это темпы прироста денежной массы и динамика скорости денежного обращения, которые практически полностью описывают динамику последующей инфляции. Для каждой страны существуют свои удельные веса этих факторов, но только два этих параметра определяют динамику инфляции.

Попытки найти структурные или какие-либо еще факторы инфляции, к сожалению, ни к чему не привели. Динамика денежной массы является определяющей, независимо от того, какими причинами этот род денежной массы вызван. Основным фактором является, безусловно, бюджетный дефицит, причем, я бы сказал - расширенный бюджетный дефицит. Не только бюджетный дефицит на кассовой базе конкретного бюджета, но и расширенный бюджетный дефицит, учитывающий финансирование народного хозяйства, предприятий, посевных кампаний и многих других вещей. Но сюда же, к сожалению, входит и увеличение денежной массы за счет прироста валютных резервов, если это происходит в тот момент, когда спрос на национальную валюту не растет. Если спрос на национальную валюту остается прежним или падает, то прирост валютных резервов сопровождается приростом денежной массы, который носит инфляционную природу. Тот самый случай, который отмечен в России в 1995 г. Действительно, произошел прирост валовых валютных резервов страны на 8 млрд. долларов, который носил инфляционную природу. Именно эта инфляция съела реальные денежные доходы российского населения.

Вторая закономерность, которая была полностью подтверждена на примере бывших республик Советского Союза. Критерием финансовой стабилизации, т.е. критерием достижения той ситуации, с которой начинается реальный экономический рост, реальный рост уровня жизни населения, зарплаты в любом измерении - в долларовом эквиваленте или в национальной денежной единице с учетом индекса цен - является уровень годовой инфляции не более 40%, или 2,8% в месяц.

Те страны, которые добились снижения инфляции до 40% в год и ниже, приступают к экономическому росту, что блестяще продемонстрировали страны

Балтики, Армения, и что, видимо, в следующем году продемонстрируют Молдова, Киргизия и, возможно, Грузия, поскольку темпы инфляции в Армении и Грузии в этом году, очевидно, окажутся самыми низкими на территории бывшего Советского Союза, даже ниже, чем темпы инфляции в балтийских странах.

Третья закономерность. Из двух крайних вариантов достижения финансовой стабилизации - радикального варианта быстрого достижения, который получил публицистическое название шоковой терапии и постепенного, градуалистского - не обнаружилось ни одного случая победы над инфляцией в случае применения постепенного, или градуалистского метода.

Во всех случаях финансовая стабилизация была достигнута в результате осуществления комплекса радикальных мер. К этому можно добавить, что вся мировая экономическая история не знает случаев достижения финансовой стабилизации с помощью градуалистских мер. Единственный такой случай - это Чили в 1975-1978 гг., когда именно градуалистский метод достижения финансовой стабилизации имел успех, но этот успех был обусловлен диктаторским социально-политическим режимом. В условиях политической демократии или относительной политической демократии этот вариант не проходит.

Четвертая закономерность. Низкие темпы роста денежной массы обуславливаются прежде всего сбалансированностью фискальной сферы: либо отсутствием бюджетного дефицита, либо, в крайнем случае, размерами дефицита расширенного бюджета, не превышающими 1% ВВП. Опять же не было обнаружено случаев достижения финансовой стабилизации, если бюджетный дефицит страны выходил за эти пределы.

Было, правда, несколько исключений. Это Албания в 1992 г., Киргизия в 1994 г., Армения и Грузия в 1995 г., где бюджетный дефицит превышал 1%. В этих случаях финансовая стабилизация наступала тогда, когда бюджетный дефицит практически полностью финансировался из-за рубежа в виде внешнего кредитования международных финансовых организаций или грантов, предоставленных из-за рубежа. Для такой страны как Россия с дефицитом бюджета в размере 3,85% ВВП, как это планируется на 1996 г., это означает, что необходимые ресурсы измеряются цифрой порядка 20 млрд.долл. Нетрудно представить, что такой суммы международное финансовое сообщество представить не может, и, возможно, это и к лучшему, потому что в случае предоставления кре-

дита увеличиваются размеры внешнего долга страны, осложняется проблема обслуживания и выплаты внешнего долга. И таким образом относительно краткосрочная проблема финансовой стабилизации плавно перетекает в средне- и долгосрочную проблему обслуживания и выплаты внешнего долга.

Пятая закономерность касается достижения финансовой сбалансированности в долгосрочном плане, которое осложнено, по крайней мере, двумя очень важными факторами, находящимися практически вне сферы воздействия любой государственной власти. Это, во-первых, неизбежное падение ВВП на первых этапах осуществления реформ в силу того, что экономика производит огромное количество излишней продукции и услуг, не находящих платежеспособного спроса на национальном и внешнем рынках и, соответственно, падение объемов налоговых поступлений. И, во-вторых, опять же неизбежное падение доли налоговых изъятий в ВВП, по крайней мере, на первых этапах. В дальнейшем титанические усилия предпринимаемые правительствами либо не дают эффекта, либо дают очень незначительный эффект.

В этих условиях добиться фискальной сбалансированности можно только одним способом - уменьшением доли государственных расходов в ВВП, уменьшением доли государственного потребления в ВВП. Только те страны, у которых реально снизились уровни государственных расходов и государственного потребления к ВВП, добились устойчивой финансовой стабилизации, устойчивых темпов снижения инфляции. В Армении доля государственных расходов сократилась с 69% в 1993 году до 26% в 1995 году, что позволило снизить среднемесячный темп инфляции до 1,9%. Соответствующее сокращение произошло в Литве до 25% ВВП, в Грузии - до 24%, в Молдове - до 16% и т.д.

Те же страны, которые пытались, по тем или иным причинам, удерживать уровень государственных расходов в процентах к ВВП на прежнем уровне и на уровне, превышающем 33-35%, неизбежно срывались в более глубокую инфляцию, либо неизбежно приходили к возрастанию бюджетного дефицита, который, соответственно, приводил к увеличению внутреннего и внешнего долга, как это продемонстрировала Венгрия. Такие страны сталкиваются с проблемой реальной невозможности обслуживать и выплачивать внешний и внутренний долг. Таким образом, краткосрочные проблемы переходят в разряд долгосрочных.

Подводя итоги, могу сказать, что настоящие реформаторы должны быть прежде всего государственниками, ибо они стремятся к построению хорошего, эффективного государства, а эффективное государство не может быть большим, не может быть дорогим. Это государство, которое не поглощает значительную долю ВВП на свое потребление, не перераспределяет значительную долю ВВП через свой бюджет. Таким образом, главная задача для реформаторов - сокращать государственные расходы, сокращать государственное потребление и, безусловно, не простым сокращением, а проводя реформы в тех сферах, в которых необходимо: военная сфера, социальная сфера, сельское хозяйство и т.д.

В.ГЕЛЬБРАС

профессор ИСАА МГУ им.М.В.Ломоносова

Я хотел бы поделиться с Вами некоторыми соображениями, тем более, что здесь уже были затронуты два вопроса, которые, как показали наши исследования, являются чрезвычайно важными. Первый вопрос - о человеке, второй - о государственном регулировании.

Мы пришли к выводу, что существуют культурно-исторические доминанты развития. Под ними мы понимаем ту связь, которая соединяет народ в нацию, ту связь, которая связывает сегодняшних людей со вчерашним днем. Это своеобразный генотип исторической нации. И в этой связи в отношении России мы выдвинули несколько доминант.

Первая доминанта. Государство является высшей общностью, во главе которой всегда стоял и стоит харизматический лидер. Воля государства реализуется многочисленным чиновничеством, мощным централизованным образованием с тесными вертикальными и горизонтальными узлами. Они обеспечивают равномерное давление государства по всей территории страны.

Вторая доминанта. Отдельный человек, семья, любая группа населения являются всего лишь низшими малозначащими частичками высшей общности и все их стороны жизни на протяжении веков определялись государством.

Третье. Государственная собственность всегда являлась и остается сейчас высшей формой собственности. Все остальные формы собственности у нас ис-

покон веков регулировались государством и дозволялись только в той мере, в какой они служили укреплению мощи государства.

Четвертое. Человеческая личность формировалась в условиях зависимости от власти, но не от собственности. И многовековая крепостная зависимость все еще сказывается на уровне развития личности в нашей стране.

Пятое. Товарно-денежные отношения в России никогда не определяли основ жизни населения. Жизнь людей от рождения до кончины определялась сословными отношениями, неслучайно сейчас столь велико стремление возродить эти сословные отношения.

Шестое. В стране отсутствовали демократические традиции, нормы, институты. Господствовали отношения типа государство - подданный. Поэтому надежда на то, что можно быстро создать правовое государство просто приучив людей к рынку, на мой взгляд, является утопией. Нам придется пройти очень длительный путь. И неслучайно все наши реформы перемалываются генотипом культуры. Народ приспособливает их к определенным привычкам, нормам, которые он принес с собой из далеких времен.

В этой связи нужно сказать несколько слов и о государственном регулировании. Наши исследования показали, что характер реформ в значительной степени определяется особенностями страны. Под особенностями страны мы понимаем некие базовые условия существования нации, народа, которые не зависят от воли людей. Таких особенностей у России несколько.

Первое. Это Север и приравненные к нему регионы, составляющие более 60% территории страны. В условиях рынка эти территории, а практически значительная часть Западной Сибири, Восточной Сибири и Дальнего Востока, оказываются абсолютно неконкурентоспособными.

Второе. Растянутость транспортных коммуникаций, железнодорожные и электроэнергетические монополии. В условиях рынка свободных тарифов мы получаем сейчас эффект, когда Западная, Восточная Сибирь и особенно Дальний Восток автоматически выдавливаются из общеэкономического пространства страны.

Третье заключается в том, что значительная часть территории страны находится в зоне рискованного земледелия. Слишком велики различия между отдельными регионами страны в климате, в характере почв и т.д. Если государство не будет здесь проводить очень разумной рыночной политики, мы получим автоматически неконкурентоспособные регионы страны.

Четвертое. Неравномерность экономического, социального и культурного развития отдельных регионов. Строго говоря, у нас много говорят о том, что мы евразийское государство. На самом деле наш народ пока еще территориально не самоопределился. У нас ничтожна численность населения в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Мы еще не встали полностью на той территории, на которой мы живем. В результате мы имеем неравные стартовые условия для вступления в рынок. Регулировать, смягчить ситуацию может в этих условиях только государство.

Пятое. Неравномерность развития неразрывно связана со слабой заселенностью отдельных регионов, о чем я уже сказал, просто здесь хочу это подчеркнуть особенно. У нас почему-то все время вспоминаются слова Ломоносова: Россия будет прирастать Сибирию. Он в своем трактате говорил о том, что мощь государства заключается не в его территории и даже не в ресурсах, а в населении.

Шестое. Техногенное развитие и агрессивное наступление на среду обитания предопределило сейчас и чрезвычайно сложную экологическую ситуацию в отдельных регионах страны. Если Данилов-Данильян говорит о том, что мы можем славить Бога за то, что 2/3 территории еще не подвержены индустриализации и это спасет нас в экологическом смысле, то я думаю, что уповать на это не следует. Есть, увы, глобальные процессы, есть процессы внутри страны, которые необходимо регулировать только либерально-государственной политикой.

М.ДОМБРОВСКИ

директор Центра социальных и экономических исследований, в 1990-1991 гг. заместитель министра финансов Польши

Продолжая ряд выступлений о сравнительном опыте разных стран, я хочу сказать несколько слов о вопросах, которые, с моей точки зрения, были очень

сильной детерминантой реформ на территории бывшего Советского Союза, - это вопрос существования рублевой зоны и вопрос понимания форм экономической интеграции стран бывшего СССР. Я не буду здесь представлять всю историю распада рублевой зоны. Но я хотел бы сказать, какие это имело последствия для процесса реформ и какие ошибки были допущены теми, кто поддерживал достаточно долгое существование или перспективу возобновления рублевой зоны.

Окончательным временем распада рублевой зоны можно считать осень 1993 г., когда почти все страны бывшего СССР, кроме Таджикистана, ввели свои собственные валюты. В России отрицательные последствия почти двухлетнего продолжения формального существования рублевой зоны уже после распада СССР более или менее известны: это отрицательно повлияло на шансы стабилизации в 1992 г. и в первой половине 1993 г., и только после прекращения существования рублевой зоны, можно было предпринять серьезные попытки более жесткого контроля за денежной политикой. Я не хочу сказать, что существование рублевой зоны и кредит для других государств бывшего СССР был единственным или даже главным фактором денежной экспансии, потому что, очевидно, были другие, более сильные источники денежной экспансии в 1992-1993 гг.: прежде всего, внутренняя кредитная экспансия, а также финансирование бюджетного дефицита. Но все-таки, по разным оценкам, в 1992 г. размеры кредитования государств СНГ составляли от 7 до 9% ВВП, в 1993 г. - около 3% ВВП.

Для других стран бывшего Союза существование рублевой зоны, затормозило процесс начала макроэкономической стабилизации. И, как следствие, - запоздание с началом настоящей трансформации экономики, поскольку без макроэкономической стабилизации - первоначального этапа - сложно надеяться на успех трансформации в других областях экономики. Если мы посмотрим на опыт отдельных стран, то не найдется практически ни одной страны, которая смогла бы стабилизировать экономику, победить инфляцию до выхода из рублевой зоны, и тем балтийским государствам, которые решили это сделать раньше, а также Киргизстану, который относительно рано ушел из рублевой зоны (в мае 1993 г.), удалось раньше стабилизировать экономику.

Что касается технической стороны вопроса, то здесь необходимо назвать две даты, которые были поворотными пунктами существования рублевой зоны. Первая дата - это начало июня 1992 г., когда ЦБ России была введена система ежедневного балансирования корсчетов. Второй поворотный пункт - конец июля 1993 г. Это известный обмен рублевых купюр в России, который практически прекратил существование рубля как совместной наличной валюты. До июля 1992 г. не существовало технической возможности контроля кредитной экспансии в другие республики. Практически существовала единая денежная зона с пятнадцатью независимыми центральными банками. С июля 1992 г. с введением системы ежедневного балансирования корсчетов существовала уже техническая возможность разграничения безналичного денежного оборота. С этого момента были уже разведены денежные системы всех стран бывшего Союза. Другой вопрос, что уже по политическим причинам ЦБ и правительство России не могли и не хотели приостановить выдачу так называемых технических кредитов странам СНГ.

Конечно, возникает вопрос: можно ли было раньше провести разведение денежных систем даже в такой грубой форме, как это было сделано? Система корсчетов существовала с марта-апреля 1992 г. Мне кажется, что можно было немного раньше это сделать и избежать того, что случилось поздней весной 1992 г. - огромного вливания кредитных денег в российскую экономику путем операций взаимозачета, проведенных национальным банком Украины.

Каковы же причины такого долгого существования рублевой зоны и почему со стороны России и ее партнеров раньше не было решения прекратить существование рублевой зоны? Один из факторов, который можно рассматривать в этой связи, - непонимание последствий существования рублевой зоны, которое было не только среди многих политиков и экономистов России и других стран бывшего союза, но и среди многих западных экспертов. К сожалению, в 1992 г. серьезности этого вопроса не понимал до конца и МВФ, который только с начала 1993 г. начал более активно советовать отдельным странам бывшего Союза введение собственной денежной системы. Практически до конца 1992 г. позиция МВФ никогда не была здесь жесткой, так как все-таки сохранялась иллюзия возможности существования совместной денежной зоны.

Если рассмотреть еще и политические и экономические причины незаинтересованности в прекращении существования рублевой зоны, то, во-первых, это политические амбиции восстановления в той или иной форме Советского Союза, которые существовали и существуют до сих пор. Во-вторых, существовала заинтересованность предприятий-экспортеров, которым в условиях ограничения появления барьеров спроса в самой России было выгодно поставлять товары на довольно несложный, нетребовательный рынок других стран СНГ. В других странах бывшего союза, особенно таких как Беларусь, Казахстан, другие страны Центральной Азии, играла роль прежде всего надежда на дальнейшую финансовую поддержку России, связанную с существованием рублевой зоны. Были также надежды на продолжение поставок дешевого сырья, которые не связаны с существованием или отсутствием совместной валюты, однако некоторые российские политики давали понять своим партнерам в странах СНГ, что продолжение этой практики поставок тесно связано с существованием или отсутствием совместной валюты. Я достаточно внимательно следил за процессом переговоров по российско-белорусскому союзу в 1994 г., когда этот аргумент присутствовал у обеих сторон. Кроме того, во многих странах сохранялись иллюзии того, что существование совместной денежной зоны позволит продолжать поставку продуктов перерабатывающей промышленности этих стран на российский рынок. Тогда еще не ощущалось сильных изменений российского рынка с точки зрения структуры спроса и приоритетов потребителей.

Может возникнуть сомнение в целесообразности обсуждения этого вопроса теперь, когда все страны СНГ уже ввели собственные валюты. Ведь практически это вопрос экономической истории, исторических обсуждений. Однако мне думается, что это не так. Если посмотреть на предвыборные дискуссии в России, на такие официальные документы как сентябрьский Указ Президента "О стратегических направлениях интеграции со странами СНГ", на очередные документы СНГ, то станет очевидна попытка хоть и на политическом, пропагандистском уровне продолжить работу в этом направлении. В упомянутом Указе Президента предлагается: во-первых, укрепить и расширить таможенный союз, во-вторых, ввести платежный союз, и, последний этап - вернуться к совместной валюте или рублю как резервной валюте всех стран СНГ. На мой взгляд, предположение о роли надежной резервной валюты для российского рубля достаточно наивно в ситуации, когда Россия занимает одно из последних мест по

темпам преодоления инфляции. Конечно, например, на Украине, в Таджикистане или Туркменистане инфляция выше, однако Россия уже не лидер макроэкономической стабилизации на территории бывшего Союза. Я совсем не понимаю также, какую роль мог бы играть платежный союз в ситуации, когда почти все валюты стран бывшего союза конвертируемы.

Что касается таможенного союза, здесь вопрос более сложный. На первый взгляд, ничего плохого в устранении торговых барьеров нет, и, скорее всего, надо поощрять такой процесс. Если же мы рассмотрим более подробно, что означает таможенный союз, то появится много сомнений. Таможенный союз означает отсутствие любых торговых барьеров, прозрачные границы между членами этого союза и совместные торговые границы в отношении третьих стран.

Во-первых, надо сказать, что практически во всех странах - участниках таможенного союза, я имею в виду Россию, Белоруссию, Казахстан, не доведен до конца процесс либерализации внешней торговли. Существуют, например, экспортные пошлины, которых в нормальной рыночной экономике нет. Есть и другие моменты, которые отличают степень внешнеэкономической либерализации этих стран от нормальных рыночных. Ни одна из стран - членов таможенного союза не является членом ГАТТ или мировой организации торговли, и все страны имеют еще очень большие проблемы на пути членства в этих организациях. Я думаю, что в этих условиях попытка создания совместной таможенной зоны может тормозить процесс приспособления этих экономик к стандартам всемирных торговых организаций.

Второй очень практический аргумент - существование таможенного контроля и налоговой администрации в отдельных странах. Известно, что таможенный контроль - это не только инструмент торговой политики, но и инструмент прежде всего фискальной политики, и для того, чтобы эффективно существовал совместный и действенный контроль, нужны очень эффективная фискальная система и таможенная администрация, которые практически отсутствуют во всех этих странах. Это может означать, что создаются дыры в системе налогообложения, которые будут помогать уклонению от налогов.

В-третьих, я думаю, что существует вопрос выгоды совместных денежных тарифов для стран - членов этого союза. Геополитическая конфигурация этого

союза означает, что Россия является его главным партнером, так что другие страны будут вынуждены более или менее подчиниться российской торговой политике. По поводу самой российской торговой политики можно высказать много критических замечаний. Например, высокие пошлины на автомобили вряд ли служат реструктуризации российской экономики. И хотя эта торговая политика России, скорее всего, исходит из соображений защиты домашнего производства, зачем это нужно, например, Казахстану, Киргизстану или Таджикистану? Попытка расширить таможенный союз на другие страны (речь идет, хотя и только на политическом уровне, о кавказских государствах и других государствах Средней Азии) будет усложнять их существование: или таможенный союз может оказаться похожим на другие договоры СНГ, оставшиеся только на бумаге, или же будет источником постоянных конфликтов и будет задерживать процесс реструктуризации экономик отдельных стран.

Что касается оптимальных предложений, я думаю, что на нынешнем этапе, когда практически все отдельные страны бывшего Союза должны производить серьезную реструктуризацию экономики, самым оптимальным решением был бы договор о свободной торговле, который бы снижал или вообще снимал пошлины во взаимной торговле, но без отказа от собственных таможенных границ отдельных стран.

Я хотел бы возвратиться к вопросу, о котором упомянул раньше. Многие политики и экономисты, не только в странах бывшего Союза, но и на западе, считали, что существование рублевой зоны может оказаться выгодным для экономики бывшего Советского Союза, что оно замедлит как спад внешнереспубликанской торговли, так и спад производства.

Когда же выгодно существование совместной валюты? Я бы выделил два аспекта: экономический и политический.

Исходя из теории оптимальной валютной территории, можно сказать, что бывший Советский Союз никогда не отвечал ее требованиям, так как не было свободного движения факторов производства, структура экономики была крайне асимметрична. Любой внешний шок в разной степени влиял на отдельные регионы Союза. Есть данные, показывающие очень высокую концентрацию торговли между республиками бывшего СССР в отличие от достаточно низкого уровня торговли с внешним миром. Но эти данные не могут быть доказатель-

ством того, что бывший Союз являлся оптимальной валютной территорией, поскольку большинство этих торговых связей поддерживалось административным путем, не учитывающим рациональной специализации производства. Кроме того, экономика бывшего Союза была закрытой экономикой с государственной монополией внешней торговли. Но если снять влияние административных факторов, окажется, что, например, для предприятий Дальнего Востока, оптимальным экономическим партнером очень часто являются не предприятия Москвы и Санкт-Петербурга, а предприятия Китая и Японии. Я не предлагаю территориального раздела России, но надо учитывать, что с точки зрения теоретических основ Россия не выглядит оптимальной валютной территорией. На практике это означает, что надо проводить очень серьезную работу по внутренней либерализации экономики, чтобы устранить барьеры свободного движения капитала, рабочей силы и самих товаров. А кроме этого, надо считаться с тем, что большие межрегиональные фискальные трансферты будут необходимы внутри самой России еще очень долгое время.

Этот фактор приводит нас ко второму аспекту существования совместной валюты. Это политический эффект. Во-первых, конечно, если есть какие-то ограничения - технические, политические, культурные, - свободного движения рабочей силы, капитала, то неизбежны большие фискальные трансферты. В условиях независимого существования отдельных республик бывшего Союза вряд ли можно ожидать политического согласия на продолжение таких государственных фискальных трансфертов.

Во-вторых, обязательным условием существования совместной валюты является согласованная денежная и фискальная политика. Трудно ожидать существования совместной валюты без согласованного экономическим законодательством стран совместного рынка. Было очевидно с самого начала, что такой консенсус невозможен. Но по разным политическим и историческим причинам этот вопрос не всеми был осознан в 1991 г. Тогда не было политических предпосылок существования совместной валюты на территории Советского Союза, потому что союзный Центр потерял контроль над политикой России и частично над балтийскими республиками. Тем более такие условия не существовали в 1992 г. и не могли существовать дольше. Предложения о платежном союзе, которые выдвигались много раз разными экспертами и о котором я упоминал раньше, во-первых, в условиях конвертируемости валют уже вообще не имеет

смысла, а во-вторых, для существования такого союза нужен хотя бы минимальный политический консенсус, минимальное политическое доверие, доверие стабильности, что так же очевидно.

С.ВАСИЛЬЕВ

заместитель министра экономики России

На нынешнем этапе задачи экономической политики усложняются многократно. Это вызвано переходом от этапа либерализации, стабилизации к этапу, условно говоря, созидательному, этапу, на котором мы должны начинать регулировать ту рыночную экономику, которую мы создали. Я назову несколько сфер, где это крайне актуально. Первая сфера всем известна - это регулирование финансов, в том числе и банковское регулирование. Вторая - регулирование естественных монополий. Третья- это реформы в сфере социальной политики, пенсионная реформа. Все это требует огромных организационных, административных и интеллектуальных усилий.

Я хочу заметить, что в первые четыре года реформ основные интеллектуальные силы могли быть сосредоточены на макроуровне. Условно говоря, чтобы либерализовать цены, либерализовать внешнюю торговлю, объем интеллектуальных усилий не очень велик, в основном нужна политическая воля. Если мы вспомним все революционные перипетии в экономике России в последние четыре года, то мы увидим: что делать - было ясно почти сразу, как и то, что делать это все придется очень долго и с большими политическим проблемами.

Сейчас ситуация изменяется. Содержательная проблема не решена, и более того, даже если будет общая концепция, то воплощение каждого из этих регулирующих параметров требует колоссальных усилий на микроуровне - интеллектуальных, политических, административных. Здесь мы сталкиваемся с рядом проблем.

Проблема, которая хорошо известна, - это проблема исполнителей. Все реформы все равно должны проводить чиновники. Не надо питать иллюзий, что это может быть сделано вне госаппарата. Здесь есть две проблемы. Первая - отсутствие традиций госслужбы. Вся традиция советской госслужбы опиралась на двухуровневую систему с парткомами. Она была работоспособна, но ее уже

нет. Система западных традиций госслужбы и мотивационные механизмы госслужбы фактически отсутствуют, их надо строить. Второе - низкая квалификация чиновников. Я говорю не о том, что люди необразованны, просто этих проблем не было 10 лет назад.

В неявном виде сформировалось два подхода к практике построения системы экономического регулирования в России. Первый подход исходит из того, что у нас нет рыночных традиций, мы строим все заново, значит возьмем некое модельное законодательство и пересадим его на российскую почву. Во втором подходе более явно стремление учитывать ряд национальных и исторических особенностей. Если мы начнем насаждать иностранную модель законодательства, то будем постоянно входить в противоречие с российской реальностью. Поэтому надо сначала посмотреть, как российский рынок работает и с учетом особенностей этого рынок постепенно настраивать законодательство.

Собственно говоря, практика идет и по тому, и по другому пути. С этим связан смысл существования президентских указов, постановлений правительства. Эта нормативная база потихоньку работает, потом практика приспособливается к этой базе, потом база приспособливается к практике. Затем, уже через некоторое время, формируются более устойчивые документы. Гражданский кодекс принимается на четвертый год существования рыночной экономики. Хотя, если говорить о Гражданском кодексе, я считаю, что это очень хороший пример первого подхода, т.е. конструктивного вмешательства в экономическую практику. Сейчас ощущается, насколько сильно влияние Гражданского кодекса на всю практику. Сама идея принятия Гражданского кодекса и его нынешний вид, были очень плодотворны, потому что Гражданский кодекс позволил осуществить немедленную чистку законодательства от всех временных актов, остатков административной системы.

К числу таких удач также можно отнести новую избирательную систему, которую не критикует только ленивый. Говорят, что в России нет вообще традиций парламентаризма, но мы видим, что ту избирательную, пропорционально мажоритарную систему, которая введена, законным образом будет очень трудно отменить, т.е. эта система создана на десятилетия. Выбранный по этой системе парламент никогда не проголосует за другую систему. В этом смысле она является некоей матрицей, которая на десятилетия определяет развитие пар-

тийной системы в России, именно такой многопартийной системы, как она организована в нынешнее время, т.е. 4-5-6 партий, которые представлены в Думе. Я считаю это очень важным: это как бы самоценная вещь, которая будет определять российские политические традиции, хотя она и противоречит нашему предыдущему опыту.

Другой пример конструктивного вмешательства, который вызывает больше всего споров, я охарактеризовал бы так: внедрение англо-саксонского законодательства в сферу корпоративного управления и индустриальной организации. Я прекрасно понимаю, что, с одной стороны, российские традиции тяготеют к германо-японской модели, с другой стороны - в России четко сформировался тренд к созданию финансово-промышленных групп, к теснейшей интеграции банковского и промышленного капитал, чему американское законодательство препятствует. Также четко надо понимать, что германо-японская модель в российских условиях не будет помогать развитию демократических тенденций. Она будет совершенно однозначно стимулировать авторитарные тенденции. Мы это можем наблюдать сейчас. Поэтому попытка внедрения англосаксонской модели преследует совершенно очевидные политические цели. Результатом навязывания модели существующей традиционной внутренней тенденции, мне кажется, будет некоторый компромисс, но компромисс позитивный в том смысле, что демократические тенденции будут усилены путем этого противоречия, за счет этого конфликта.

С другой стороны, реальная практика складывается так, что мы в большинстве случаев опираемся на модель развития снизу. То есть, сначала создается некоторая среда регулирования, некоторый рынок, который подлежит регулированию. Он регулируется временными документами, которые интегрируются, суммируются, обобщаются и появляется законодательный акт. Например, мы уже давно имеем нормативные документы по банковскому надзору. Это было совершенно неактуально в течение четырех лет до банковского кризиса. Сейчас, после того как банковский кризис реально разразился, возникла проблемная ситуация, которая требует, чтобы система банковского надзора была пересмотрена. На основании реальной ситуации сложится реальная система банковского надзора.

Еще один интересный пример, связанный с законом о естественных монополиях. В основе этого закона лежит американская модель создания регулирующих агентств, но уже сейчас видно, что эта модель не очень удачна для наших условий. Причина очень простая. Мы не имеем специалистов, чтобы сформировать 3 или 4 регулирующих агентства, и поэтому, я думаю, что все службы регулирования естественных монополий будут сосредоточены в одном министерстве - Министерстве экономики, где эти специалисты в ограниченном количестве есть. Этим специалистов Министерство никуда отдавать не собирается и не может этого сделать. Поэтому на практике система регулирования естественных монополий сложится совершенно иным образом, отличным от законодательного.

Наиболее эффективный способ по развитию систем регулирования возникает в том случае, когда чиновники на местах сталкиваются с какой-то трудно-разрешимой проблемой. Тогда возникает возможность уже путем оперативной работы с ними вывести их на рациональные решения, которые соответствуют общему направлению реформы. В этом смысле мне кажется, что подход к строительству экономического законодательства, экономического регулирования снизу на ближайший период останется господствующим.

Т.ВУЛЬФ

глава постоянного представительства МВФ в России

Я собираюсь высказать свое личное мнение. а не мнение организации, которую представляю. Я имел дело в основном с макроэкономическими факторами, и мнения, которые были высказаны здесь, близки мне. Г-н Гайдар был, вероятно, прав, когда предположил, что мы приближаемся к концу первой фазы перехода. Я думаю, что рубеж второй фазы еще не наступил, но мы уже к нему подошли. Что касается русского опыта, мы видим очень хорошие показатели по снижению инфляции, и очень большое спасибо русскому правительству и Центральному банку за это. Некоторые ораторы говорили, что потребуются длительные усилия для того, чтобы удержать инфляцию от подъема, чтобы заставить инфляцию падать, а не подниматься, чтобы сбить инфляцию ниже 4-5%. Это может быть очень трудно, но поддерживать стабилизационный процесс возможно, только удерживая инфляцию на этом уровне.

Во-первых, низкий уровень инфляции будет способствовать росту накоплений. А это очень ясный источник для развития. Это может также увеличить объем готовых к использованию сбережений, и очень важно не только остановить и повернуть бегство капиталов, но и сделать их источником сбережений. Все мы понимаем, что предприятиям, особенно в сфере производства, нужны большие инвестиции. И до тех пор, пока инфляция не сбита, больших инвестиций не будет и в частном секторе, и, возможно, в общественном секторе.

Во-вторых, низкий уровень инфляции будет способствовать инвестициям на местном уровне и привлечет капитал извне. А это будет означать не только больше денег, но и больше технологий. Опыт восточных и центрально-европейских стран показывает, что иностранные инвестиции могут играть очень большую роль. Население Эстонии составляет 1% населения России, а уровень иностранных инвестиций на нее в 2-3 раза превышает уровень инвестиций в России. Таким образом, российским властям надо сбивать и сбивать инфляцию. Надо проводить очень жесткую финансовую политику для того, чтобы сбить инфляцию до низшего уровня. Жестче относиться к бюджету, убедить предприятия, что им придется уйти из бизнеса, если они не будут прибыльными. Больше внимания должно уделяться соотношению между уровнем инфляции и требуемыми для фундаментальной трансформации большими объемами инвестиций и реструктуризацией.

Третье. Роль правительства для экономической стабилизации очень велика. В России было достигнуто согласие между правительственными органами, ответственными за финансовую политику, особенно между правительством, Центральным банком, Министерством финансов. В 1995 г. между ними было беспрецедентное сотрудничество и консенсус, поэтому не случайны стабилизация и гораздо больший прогресс, чем в предыдущие годы. Кроме того, способность власти контролировать бюрократию позволила поддерживать курс на стабилизацию. Все это было очень большой удачей правительства в 1995 г.

Еще одно условие для успешной стабилизации. Стабилизация и экономическое восстановление должно повышать уровень жизни населения. Как можно убедить население в том, что государство действует в его пользу? Г-н Чубайс сказал, что правительство продемонстрировало ясное доказательство своих успехов, и перечислил несколько улучшений, которые произошли в этом году,

указал, что сам факт снижения инфляции произвел немедленное воздействие на общественное сознание. Очень важно информацию доводить до населения, убеждая его в необходимости продолжать процессы реформ. Убеждением населения удастся обеспечить моральный авторитет правительства. Это единственный способ, с помощью которого правительство сможет продолжить свой курс на реформы и стабилизацию. Правительство должно обладать моральным авторитетом; люди должны верить, что оно сокращает коррупцию, уменьшает преступность, а в сфере экономики не наживается за счет предприятий и за счет населения.

Пятое. Я думаю, надо улучшить налоговую службу, контроль над частным сектором, деятельность Таможенного комитета и установить равноправие в том, что касается налогов. Не надо освобождать от налогов кого-то или что-то. Это разрушает доверие налогоплательщика ко всей налоговой системе. И, наконец, необходимо упростить налоговую систему, сократить количество налогов, улучшить фискальную связь между правительством и регионами. Сокращение налогов приведет к расширению налоговой базы.

И еще один пункт. Уклонение от налогов должно караться более решительно, более серьезно и жестко и одинаково по отношению ко всем уклоняющимся.

Правительство в этой области должно повысить свой авторитет среди народа. От населения нельзя ожидать, что оно будет выплачивать всю массу требующихся налогов, если само правительство не будет выполнять свои обязательства.

П.СУТЕЛА

руководитель департамента Национального банка Финляндии

Аспект, который еще не обсуждался, - это развитие частного сектора. Высокие процентные ставки, которые сейчас существуют, означают, что частный сектор не очень хорошо выполняет свои функции в рамках общей ситуации. Кто-то уже указал, что в некотором смысле ранний период стабилизации - период относительно простой экономической политики, в котором самое важное - выбрать правильное направление. Что касается стабилизации институциональной структуры развитых рынков, на этом этапе проблемы становятся более

сложными. Сейчас вопрос уже не в том, чтобы выбрать правильное направление, а в том, чтобы выбрать верные сроки.

Дополнительный интересный вопрос - вопрос о степени, с которой ранее принятые принципиальные решения ограничивают политику будущего. Хороший пример этого - приватизация. Мы можем спорить, в какой степени приватизация, проведенная в России, была неизбежной и в какой мере она была результатом политических компромиссов, в какой мере она была предопределена тем, что существовало ранее, до перестройки, является ли она чертой российской экономики, которая останется в будущем или она является чертой переходного периода. Прошло так мало времени, что мы еще не совсем понимаем, каким образом функционируют в этой сфере институты. Если мы предполагаем, что у институтов есть своя инерция, тогда то, что происходит в данное время, может иметь решающее значение для российской экономики на десятилетия вперед.

Важное значение придается второй стадии приватизации - денежной стадии. Информация, которой мы располагаем, пока не очень обещающая. Например, в Финляндии владение в банковской сфере и в промышленной сфере в течение очень долгого времени было тесно связано друг с другом, и это функционировало не очень хорошо, но, с другой стороны, мы знаем, что высокий рост обеспечивался высоким уровнем инвестиций, благодаря высокой степени консенсуса в сфере принятия решений в экономике и политике. В российском случае нет ни того, ни другого преимущества.

В заключение еще один пример того, что институциональное развитие на первой стадии оказалось очень важным: сравнение латвийского и эстонского опыта развития. С самого начала эстонские власти поняли, что банковский кризис неизбежен, к нему надо готовиться, а для того чтобы его преодолеть, нужны резервы. Этой ситуации не наблюдалось ни в Латвии, ни в Литве, что бросает некоторую тень на будущее развитие финансовой системы Латвии. Решение в этой сфере имеет огромное значение для будущего ее развития.

В.НАЙШУЛЬ

директор Института национальной модели экономики

Я хотел бы остановиться на институциональных последствиях реформ, пятилетие которых мы сейчас обсуждаем, и для начала, как бы лингвистически, подтвердить высокое значение этих реформ. Замечено, что наиболее важное, что происходит в жизни, отражается в языке следующим образом: соответствующая фамилия начинает употребляться с маленькой буквы. То, что гайдаровские реформы уже пишутся с маленькой буквы свидетельствует о том, что эти реформы вошли глубоко в жизнь общества.

Второе лингвистическое замечание, которые я хотел бы сделать, касается часто используемого эвфемизма “шоковая терапия”. Мне кажется, особенно с точки зрения институционального анализа, что этот термин вводит в заблуждение. Те реформы, которые реально происходили - гайдаровские реформы и реформы подобного рода - являются хирургией. И шок, который возникает, является шоком после хирургической операции.

Почему я останавливаюсь на этой терминологии? Я пытаюсь как бы действовать с точки зрения теории административного рынка. С этой точки зрения страна в период, предшествующий реформе, представляла собой совокупность офисов, контор, которые были связаны сложной системой взаимных отношений и взаимных обязательств. Задача долговременной трансформации состояла в том, чтобы раскрепостить отношения между этими конторами, предприятиями в частности, с тем чтобы они могли стать свободными агентами на рынке, заключающими между собой сделки исходя из рыночных интересов. И вторая задача - построить, скажем так, государственно легальную инфраструктуру, которая позволяет осуществлять сделки, к примеру, между Москвой и Новосибирском и при этом не требует личного знакомства и уверенности на персональном уровне в том, что эта сделка будет исполняться. Тем более это касается сделок, которые осуществляются на срок.

Если мы посмотрим, насколько эта программа была выполнена, то столкнемся с тем, что фактически первым шагом была хирургия, и были ликвидированы обязательства государства перед населением в отношении поддержания низких цен.

Следующая хирургическая операция, хотя она так и не выглядела, состояла в том, чтобы за ваучер лишить населения претензий на государственную соб-

ственность. Кроме того, были развязаны и другие узлы, но уже не в процессе хирургии, а просто бюрократическим вымениванием, бюрократического обмена. Эта та либерализация, которая шла до Гайдара и продолжалась после него.

С этой точки зрения мы получили частично либерализованную экономику, и пришли и к положительным, и к отрицательным результатам. Положительный результат мы видим перед нашими глазами: это некоторая экономическая активность, которой не был раньше. Отрицательная часть состоит в том, что я бы назвал так: в старую брежневскую экономику были вставлены новые зубы. Если раньше распределяли болты и гайки, было натуральное планирование, то теперь распределяются деньги. И это означает на самом деле действительно коренное улучшение эффективности этой системы, но при этом задача ее демонтажа в каком-то смысле откладывается. Результат же мы видим следующий: осталось государство, тесно связанное с экономикой, которое поэтому не может выполнять своих легальных функций, и нелиберализованная экономика, которая поэтому не может свободно развиваться. По всей видимости, это задача следующего этапа реформ.

И, наконец, вопрос, который стоит как коренной в стране - построение государства, независимого от экономики. Мне кажется, что в предыдущих выступлениях сложность этой задачи была недооценена.

Ч.БЛИТЦЕР

руководитель экономического департамента представительства Мирового Банка в России

Слушая проходящее здесь обсуждение, я прихожу к заключению, что по многим предметам мы не можем прийти к взаимосогласованным выводам: идет ли речь о либерализации, стабилизации, приватизации или институциональном строительстве?

Во-первых, нужно отметить, что можно рисовать картины более розовые или более мрачные. Я не думаю, что можно прийти к каким-то простым выводам о том, что произошло и происходит.

Мировой банк в этом году делает обзор экономик переходного периода в Восточной Азии, а так же в бывшем Советском Союзе. В целом этот обзор подтверждает то, что говорил господин Гайдар в своем выступлении в начале конференции. Экономик переходного периода развиваются везде в соответствии со

своими собственными интересами, аналогичным образом ведут себя и те, кто принимает решения.

Во-вторых, реформы не могут быть осуществлены в строгом порядке - сначала одно, потом другое, потом третье. Приходится во всех случаях действовать сразу на нескольких фронтах.

В-третьих, экономики, которые реформируются быстрее, развиваются лучше, чем те, которые стали на путь так называемых постепенных реформ. Таково будет заключение Мирового банка.

Теперь я хочу поговорить некоторых личных впечатлениях. Сейчас у меня есть две причины для беспокойства. Я думаю, что Россия стоит на пороге перемен краткосрочных и долгосрочных. Она сейчас ближе, чем когда-либо к финансовой стабилизации. Вместе с тем, она близка к возврату назад в этой же области, как и реформа в целом. Очень многое будет зависеть от событий следующего года. Бюджет, который был принят, связан с увеличением государственных расходов, что будет оплачено в конечном итоге частным сектором. Проблема, представляющая собой краткосрочную опасность, состоит в том, позволит ли частный сектор собрать с себя налоги?

В долгосрочной перспективе предстоит ответить не на вопрос, будет ли в России рыночная экономика, а на вопрос, какой будет эта рыночная экономика: похожей на японскую модель, европейскую, или американскую? Большая опасность заключается в большой дифференциации доходов, макроэкономическом популизме, низкой производительности и в правительственной и неправительственной коррупции. Это вопрос, на который лица, принимающие политические решения, должны найти ответ. Направление развития должно быть изменено прежде, чем будет поздно. Во многих отношениях решения пересекаются, например, решения, касающиеся производительности труда, приватизации и институционального строительства и т.д.

Меня особенно интересует проблема монополий и концентрации. Маркс и марксисты совершенно верно говорили о монополиях и монополизме в капиталистических экономиках. Ирония в том, что страны, которые много говорили о зле монополий при капитализме, склонны ныне культивировать их у себя. Это плохо сказывается не только на производительности, но и многом другом.

Первый пример этого - сектор энергетики, где полной монополией является Газпром. Приватизация в нефтяном секторе создала несколько вертикальных монополий. Есть сектор электроэнергетики, который тоже монополизирован, в угольной промышленности также происходит процесс монополизации и т.д. Монополии в этих отраслях я бы назвал финансово-промышленными группами старого типа. И, наконец, тип наиболее динамичный - монополии в коммерческо-банковском секторе.

В связи в этом есть много причин для беспокойства. В Британии также происходил процесс промышленной концентрации, как и в других странах, в том числе в Корее, Японии, Германии. Создавались огромные конгломераты, но сейчас направление развития обратное. Динамичное развитие не может быть обеспечено при малоподвижных монополистических структурах.

Что сделано было за последние пять лет в области регулирования монополий, расчленения монополий? Область их регулирования находится в очень отсталом положении. Возможно, одна из главных причин этого - отсутствие хорошо подготовленных специалистов, но я думаю, что это также проблема политики и политического влияния.

Что касается методов регулирования, то существует выбор между американским, англо-саксонским и немецким подходами. В моей стране мы в значительной степени больше полагаемся на правила. В странах континентальной Европы регулирование больше зависит от решений, которые принимают чиновники в рамках законов. Когда институты слабы и находятся в стадии развития, лучше полагаться на законы и правила, чем на чиновников.

М.ТАРДОШ

председатель комиссии по экономике Народного собрания Венгрии

На основе венгерского опыта я хотел бы обсудить некоторые общие вопросы трансформации. Мне кажется, что для всех нас распад Советского Союза - неожиданность. И то, что это случилось, создает такой трудный экономический случай, о котором мало знает экономическая наука. В вопросе о том, как можно регулировать экономику страны, важнейшей исходной точкой является ответственность. Коренной переворот в структуре собственности появляется только

в этом специфическом кризисе, и вследствие этого мнения разных научных школ о том, как надо провести этот переходный период, еще окончательно не сформировались. Я не говорю о том, что учения школ не дают важных исходных точек. Нет интегрированной концепции, которая дала бы стимул для решения вопроса. Почему же имеется такой глубокий спад в странах бывшего Советского Союза и странах, которые составляли СЭВ? Всем нам ясно, что центральное планирование не было эффективно, но мы знаем и то, что положительных результатов, которых можно было бы ожидать при переходе от плохого строя к лучшему, еще не видно ярко нигде. Гражданам этих стран очень трудно понять, что переход от плохого строя к другому, более эффективному, потребует от них так много жертв. И это очень сложное политическое явление, с которым во всех странах должны считаться.

Мне кажется, что вопрос состоит в том, что можно сделать быстро, с помощью “шоковой терапии”, и чего такой терапией сделать нельзя. Две вещи обязательно требуют “шоковой терапии”. Во-первых, прекратить галопирующую инфляцию, которая наблюдалась в отдельных странах, было необходимо, и сделать это можно только шоковыми методами.

Была и другая проблема. Например, в Венгрии не было галопирующей инфляции, но существовала тенденция к перерасходу государственного бюджета и слишком большой была доля государственных расходов в национальном доходе. Конечно, в этом отношении тоже можно использовать шоковую терапию и сократить их. Но когда это делают новые государственные органы, то хотя они и не виноваты в том, что требуется сокращение дохода, все-таки они будут считаться виновными. И это проявляется во многих странах. Исключением в этом отношении является Чехия, потому что там люди поняли неприятные меры правительства.

Другие аспекты трансформации таковы, что их нельзя решить шоковой терапией. Нельзя приватизировать с помощью шоковой терапии, потому что здесь требуется связь между менеджментом и собственником, которая не создается за один день. Нельзя быстро создать новую систему государственного финансирования.

В заключение я хотел бы сказать о том, что, как мне кажется, ни одна из стран не смогла решить главной задачи, которая состоит в том, чтобы создать

такую структуру, которая покажет, что действительно Чехия, Румыния, Россия, Венгрия или какая-то другая страна могут сократить разрыв между развитыми американскими и западноевропейскими странами. Для этого требуются два важных мероприятия: создание условий для роста сбережений и превращения их в инвестиции, причем в такие инвестиции, которые действительно развивают страну. Однако ни одна из стран пока не имеет высокого уровня сбережений.

Второе, что обязательно требуется, - такая политика валютного курса, которая давала бы больше стимулов для экспорта и производства импортозамещающей продукции. В большинстве стран Восточной Европы валютные курсы недостаточно эффективно инициируют такие действия. При этом, конечно, надо построить новые системы государственного бюджета, социального страхования, и в этом отношении, по-моему, можно идти только шаг за шагом.

А.ОЛЕЙНИК

*кафедра общей экономической теории экономического факультета
МГУ им.М.В.Ломоносова*

Мое выступление посвящено вариантам институционального развития переходного общества. Выступающие до меня уже говорили об этапах, которые общество прошло, я же хотел бы остановиться на тех вариантах институционального развития, которые предстоит пройти.

Распространено мнение, что кризис и последующий форсированный переход к рынку были предопределены предыдущим развитием социалистической системы и, соответственно, происходящие после 90-го года процессы зародились в рамках социалистической системы уже за долгое время до этого. В частности, речь идет о приватизации так называемой общественной жизни, об отторжении коммунистической идеологии на бытовом уровне, о развитии черного рынка со своими правилами и т.д. в сфере снабжения и возникновении норм рыночного поведения в рамках прежней системы.

Тезис, который я бы хотел защитить, заключается в том, что подобные тенденции являются недостаточными для построения цивилизованных рыночных отношений. Эта недостаточность особенно очевидна, если мы попытаемся применить для анализа переходных процессов институциональную теорию. Если, используя термины этой теории, сформулировать аргументы сторонников эволюционного перехода к рынку, то все сводится к легализации, приданию

формального характера нормам и правилам поведения, которые уже есть, и нужно построить законы на основе этих норм.

Вопрос, который бы я хотел поставить: идет ли речь об одних и тех же нормах поведения для черного рынка, или того спонтанного рынка, который возникает, в частности, в финансовой сфере, и для так называемого цивилизованного рынка, который отождествляется с англо-саксонской традицией в праве?

Мы уже располагаем достаточно подробными сведениями о поведении предприятий в переходной экономике. Что касается поведения домашних хозяйств, то, на мой взгляд, оно еще не получило достаточного описания. Согласно результатам пилотного обследования поведения домашних хозяйств, которое провела группа исследователей Института сравнительной политологии, наблюдается значительный разрыв между классическими нормами, предполагаемыми англо-саксонской традицией построения рынка, и теми нормами, которыми домашние хозяйства пользуются в своей обыденной жизни.

Если взять концепцию Адама Смита, то для него рынок строился, в частности, на "взаимной симпатии", что обозначало у него способность индивида поставить себя на место другого индивида. Этот вопрос мы внесли в анкету, и оказалось, что понятия симпатии и выгоды совершенно не сопоставимы для индивидов. Они четко разделяют, с одной стороны, прагматическое поведение, а с другой стороны, поведение, построенное на доверии и симпатии. Соответственно, компромисс между этими двумя понятиями на уровне обыденного сознания не достигается. Есть и другие черты так называемого социалистического рыночного поведения, суммировав которые, можно сделать еще два вывода.

Первый - это негативное понимание рынка как свободы от прежних предписаний, а не как добровольное взятие на себя каких-либо обязательств. Вторая черта, которую мы выяснили в ходе обследования, - это ограничение доверительных отношений, т.е. того, что Смит понимал под симпатиями, только кругом персонально знакомых лиц. Кризис на межбанковском рынке тоже подтверждает клубный принцип доверительных отношений.

Итак, если мы констатируем существенные различия между нормами англо-саксонского рыночного поведения и рыночного поведения, которое спонтанно возникает и существует в рамках российской экономики, то единственным спо-

собом развития цивилизованного рынка является насаждение государством институтов сверху вниз, т.е. такая стратегия перехода, когда институты экспортируются, и реформаторы ориентируются на известные образцы, представляется вполне логичной, если мы делаем вывод о недостаточности существующих норм поведения.

Какие здесь могут быть варианты? Первый вариант - когда насаждаемые институты, скажем, классического рынка рано или поздно приходят к согласованию с нормами неформального поведения на обыденном уровне. И второй вариант - когда в ходе реформ расстояние между институциональным поведением и обыденным поведением еще более увеличивается.

Здесь я бы хотел сослаться на результаты эксперимента, который, на мой взгляд, можно охарактеризовать как наиболее чистый эксперимент, а именно - на распространение норм американской конституции в 1935 году, когда единые нормы, т.е. американская конституция, были распространены на различные племена коренных индейцев, имеющих совершенно разные нормы поведения на обыденном уровне. Согласно этому исследованию, мы выделили две группы племен. Первая группа в результате насаждения этих норм американской конституции сумела встроиться в рыночную экономику, сократить безработицу и принять участие в разделении труда даже на национальном уровне. Другая часть племен в результате насаждения этих же эффективных норм еще более усилила свою стагнацию и кончила тем, что пришла к еще большему кризису.

Вопрос о том, в какой ситуации находится Россия и по какому из этих двух вариантов она пойдет - либо по пути увеличения разрыва между официальными нормами и нормами обыденного поведения, либо в ходе реформ этот разрыв будет сокращаться - остается открытым. Соответственно, единственным способом определения того, по какому варианту развивается Россия, на мой взгляд, является создание свода неписаных правил, которыми индивиды пользуются в своей обыденной жизни и на основании оценок которых только и можно будет судить о перспективах реформ. То есть, именно на основании четкой классификации неписаных и неформальных норм мы сможем объективно оценить перспективы реформ.

В.БОКСЕР

председатель исполкома Московского отделения партии “Демократический Выбор России”

История коммунистических режимов - это история крушения изоляционизма. Экономическая, идеологическая и культурная закрытость придают режиму первоначальную устойчивость, однако любой изоляционизм не может быть абсолютным, поскольку не в состоянии обеспечить изоляцию от конкуренции с рыночными государствами в военной, экономической и иных сферах. Гонка вооружений, гонка престижа, гонка приоритетов требует все новых и новых интеллектуальных ресурсов. Загнанный в угол собственным изоляционизмом, режим вынужден черпать их изнутри в сочетании с характеристиками социалистической экономики. Это приводит к избыточному продуцированию интеллигенции. Под интеллигенцией здесь я понимаю совокупность людей с высшим образованием и других людей, которые ориентируются преимущественно на этот слой, для которых основным видом функционирования является информационное.

Вместе с примыкающими к интеллигенции слоями и профессиональными группами и членами их семей через поколение интеллигенция получает относительное большинство в социальной структуре общества. За период такого накопления страна из аграрной или аграрно-индустриальной становится индустриальной. При этом сохраняется вся риторика о ведущей роли рабочего класса, но общественное сознание все в большей степени (даже в рамках марксистской идеологии из-за изоляционистский утопий) формируется интеллигенцией. Происходят те же самые процессы, по которым, к примеру, все еретики выростали из самых догматических центров, и не случайно поэтому колыбелью такого рода еретических учений стал Институт международного рабочего движения.

Конкуренция с рыночным миром требует модернизации, а модернизация определяется, естественно, стратегическими интересами интеллигенции, которая, вопреки первоначальным догмам и логике системы, становится в какой-то степени локомотивом этого процесса. Происходит следующий феномен. Несмотря на то, что в целом интеллигенция составляет примерно 20% всего населения России, все идеологические споры происходят на таком информационном поле, в котором принимают участие люди преимущественно с высшим

образованием. Беда изоляционистского режима в том, что интеллигенция не может и не хочет осуществлять эту модернизацию порциально. Более того, в стране, утратившей традиционализм, это практически невозможно.

Экономическая модернизация начинается с определенного уровня, требует большей информационной открытости, а это в стране с высокой насыщенностью интеллигенцией ведет к совершенно иным выводам, чем в преимущественно крестьянской стране. Возникает цепная реакция, когда большая информационная открытость влечет большую культурную и идеологическую. Это, в свою очередь, усиливает информационную открытость и т.д.

Главным идеологическим мотором неизбежных процессов становится концепция неразделимости демократии и рынка, нравственных и культурных ценностей рыночного общества второй половины XX века. Это не чей-то злостный умысел, а невольное следствие того, что мы живем в эпоху информационной революции.

На основе этой концепции и формируется коалиция, минимально достаточная для антикоммунистической революции, когда в эту коалицию входят и представители более прогрессивной и дальновидной номенклатуры, и творческая интеллигенция, и национально-освободительное движение, и так называемые ИТР - инженерно-технические работники. Каждый из них совершенно по-разному представляет себе конечные цели этой коалиции, но дело в том, что у всех у них в этот момент вольно или невольно существует утопическое или контр-утопическое представление о том, что демократия и рынок как бы синхронны, и одно от другого неотделимо, хотя в историческом аспекте практически повсеместно сначала формировались по крайней мере основы рыночного общества, и только потом возникали настоящие демократические институты. Но вопрос-то и состоит в том, что люди как некая социальная категория не берут примеры из прошлого - XVIII-XIX веков, они ориентируются на современный опыт передовых стран, а не на ту точку, которая соответствует приблизительно их теперешнему уровню.

Таким образом, именно то, что изоляционизм способствует избыточному продуцированию интеллигенции в целях своей устойчивости, как раз и приводит к последующей неустойчивости изоляционистского режима. Начинается попытка одновременного перехода к демократии и рынку. С точки зрения внут-

ренных характеристик отдельно взятой посткоммунистической страны это утопично, но посткоммунистическая трансформация осуществляется не в закрытом обществе, а в эпоху информационной революции и интернационализации экономики.

Траектория подобной информации определяется не только внутренними закономерностями любой посткоммунистической страны, но и в результате взаимодействия с внешними факторами, важнейший из которых - действительно, не материальный фактор, а просто-напросто пример других стран. Поэтому посткоммунистическая трансформация как бы определяется совокупностью двух траекторий: одна - внутренне присущая и связанная прежде всего с траекториями социальных процессов, культурных и социально-психологических, а другая траектория, гораздо более динамичная, связана с общеэкономическим пространством, в которое попадает страна, и с общим информационным пространством.

В результате этого на первом этапе рыночных преобразований формируется неустойчивая демократия. В биологии существует такой основной закон, согласно которому любой индивидуум в своем эмбриональном развитии повторяет эмбриональные стадии истории его вида. Этот процесс, видимо, достаточно универсален и вполне возможен. Представляется поэтому, что фактически нарождающееся рыночное общество посткоммунистической страны в своем эмбриональном развитии проходит не развитые стадии, характерные для рыночного общества западных стран, а их эмбриональные стадии. Это приводит к тому, что законченности таких стадий развития не бывает в посткоммунистической стране. И очень часто стадия, только начавшись, тут же переходит в последующую стадию или одновременно имеет место быть совокупность сразу нескольких стадий.

Основную неустойчивость режимам уже в посткоммунистических странах придает все та же интеллигенция, преимущественно среднего поколения, так как ее сознание амбивалентно: с одной стороны, реализуются стратегические интересы информационной открытости, с другой стороны, для рыночной экономики такая численность интеллигенции сверхизбыточна, а структура не адекватна. Приводился пример, что необходимо в 203 раза сократить количество врачей для того, чтобы создать нормальную модель здравоохранения в Рос-

сийской Федерации. Это действительно так. Более того, я бы считал, что с точки зрения внутренне присущих характеристик здравоохранения подход должен быть гораздо более радикальным: наверное, сокращать это количество нужно в 5-10 раз, учитывая, что сейчас в России врачей в 2 раза больше чем в США. Но возникает вопрос: а что тогда делать с этими миллионами врачей, которых придется сокращать? Они не смогут адаптироваться к условиям работы вне своей специальности.

Здесь основным становится вопрос статуса. Если для страны крестьянской работает модель, по которой крестьянин переходит в город, где становится ремесленником, и это является повышением его статуса, то в преимущественно интеллигентской стране потеря специальности для людей среднего поколения - есть понижение их статуса; фактически они попадают в положение внутренней эмиграции. Если сравнивать то, что сейчас переживает интеллигенция среднего поколения с классическими стадиями культурального шока, которые достаточно хорошо описаны в литературе, то совпадение является в достаточной степени полным. Интеллигенция среднего поколения становится лишней, ее переквалификация почти невозможна. Поэтому существенная часть носителей представления о неделимости демократии и рынка разочаровывается, начинается поиск альтернатив по типу третьего пути. Именно интеллигенция среднего поколения может стать либо спровоцировать установление охранительного от антикапиталистической революции авторитаризма сверху. Логическим развитием этого авторитаризма опять-таки явится определенный изоляционизм.

Таким образом, стадией, следующей за неустойчивой демократией, становится, по-видимому, в наших условиях неустойчивый же авторитаризм. Неустойчивым он будет потому, что авторитарно-изоляционистский посткоммунистический режим гораздо в большей степени, чем коммунистический режим, обречен на неустойчивость, так как в интеллигентской стране вновь гораздо быстрее сработает все тот же механизм саморазрушения изоляционизма.

Более того, по-видимому, будет несколько колебательных движений от неустойчивой демократии к неустойчивому авторитаризму, авторитарному изоляционизму с затухающей амплитудой последнего, т.е. достаточно типичный переходный процесс с перерегулированием. И только после того как нынешнее младшее поколение заместит среднее, начнется переход к устойчивому рынку и устойчивой демократии, причем не непосредственно уже в период устойчиво-

го рынка и устойчивой демократии, а только при переходе к устойчивому рынку и устойчивой демократии.

II. РОССИЯ ПОСЛЕ ПЯТИ ЛЕТ РЕФОРМ

А. ЧУБАЙС

первый вице-премьер Правительства России (в настоящее время генеральный директор некоммерческой организации Фонд “Гражданское Общество”)

Я хочу поделиться с вами соображениями о российском опыте преобразований 1995 года.

Мне кажется, что именно этот год заслуживает особого анализа, поскольку именно в этом году удалось добиться перелома по ряду принципиальных задач, которые не удавалось решить раньше. В свою очередь решение некоторых из этих задач вызвало сопутствующие явления, серьезные и сложные проблемы.

Стартовые условия для 1995 г. в России были, мягко говоря, крайне неблагоприятные. Все хорошо помнят итоги “черного вторника” осени 1994 г., растущую инфляцию, которая достигла в январе 1995 г. 18% в месяц. Катастрофически исчерпывавшиеся валютные резервы ЦБ, запасов которых в январе оставалось на трое суток, высокий уровень политической нестабильности, безусловно подрывавший остатки доверия властям.

Именно в этих условиях были выдвинуты цели экономической политики 1995 г., связанные с осуществлением финансовой стабилизации в России. Надо прямо сказать, что в тот момент эти цели воспринимались несерьезно и поддержка их была близка к нулю.

Что реально было предпринято в начале года, для того чтобы переломить ситуацию? Прежде всего в области бюджетной политики. Проект бюджета 1995 г. включал в себя целый ряд принципиально новых моментов - он был ориентирован на сокращение дефицита с 10,2% ВВП в 1994 г. до 5% ВВП, т.е. более, чем вдвое. Прекращение финансирования дефицита бюджета за счет кредитов ЦБ и финансирование за счет неэмиссионного источника. В целом проект бюджета был нацелен на проведение жесткой финансовой политики.

Понимание этого небольшой группой сторонников, реально не означало принятие этого бюджета Государственной Думой.

Поэтому первым ключевым положительным итогом, заложившим основы политики 1995 г., было принятие бюджета Государственной думой в конце марта 1995 г. Россия впервые обрела бюджет в I квартале текущего года. Параллельно с этой работой мы пошли на достаточно радикальные меры по либерализации внешнеэкономической деятельности. Были отменены квоты на поставку продукции на экспорт, были отменены так называемые спецэкспортеры - предприятия, обладающие правом на экспорт при наличии специального решения правительства, был предпринят и ряд других не менее серьезных мер.

В то же время шла интенсивная работа по подготовке денежной программы ЦБ и правительства России на 1995 г., исходившая из тех же самых уже названных принципов и целей. Эту работу так же удалось завершить с успехом в конце марта 1995 г. Совместное заявление правительства и ЦБ было подписано. Международный валютный фонд поддержал этот подход и принял решение о выделении кредита России. Вот три-четыре ключевых блока, которые были заложены в основу российской финансово-экономической политики в начале года.

Осуществление этой политики дало первые видимые результаты на макроэкономическом уровне в начале весны 1995 г. В стране началось снижение инфляции, началось реальное укрепление курса рубля. Однако уровень инфляционных ожиданий оставался высоким вплоть до осени. Практически все, за очень небольшим исключением, российские политические деятели, экономические эксперты заявляли о том, что если есть какие-то положительные тенденции, то они, безусловно, носят временный характер, что страна обречена при нынешней политике на всплеск инфляции осенью, что неизбежно ее увеличение осенью до уровня 15-20% в месяц, а некоторые предсказывали более высокие показатели. Предсказывалась неизбежная осенняя катастрофа на валютном рынке, падение рубля до уровня 8000-10000 руб. за доллар и т.д. В этих условиях перед правительством стоял вопрос - с чем войти во второе полугодие 1995 года?

Проанализировав весь набор возможных вариантов, мы пришли к выводу о том, что самым правильным ходом будет вместо ожидаемого всеми отступле-

ния, начать наступление по всему фронту финансово-экономических проблем. Именно это наступление было подготовлено и реально начато летом 1995 г.

Мы исходили из того, что главное, что удалось сделать в первом полугодии 1995 г., - поставить под надежный контроль расходы, прежде всего, расходы бюджета. Мы заблокировали законодательным решением кредиты ЦБ селу и другие виды кредитов ЦБ. Тем самым действительно был взят под реальный контроль уровень дефицита бюджета, и тем самым решена задача контроля над расходами. Поэтому во втором полугодии перед нами стояли, пожалуй, две самые главные задачи. Первая задача - разрушение всеобщих и массовых инфляционных ожиданий. Вторая задача - переломить ситуацию с доходной частью бюджета. Именно исходя из этих целей, было принято 5-6 ключевых решений, которые и составили содержание экономической политики второго полугодия.

Первое решение в сфере валютной политики - введение валютного коридора. Хорошо известно, что он был введен на уровне 4300-4900 руб. за доллар сначала на один квартал, а затем продлен еще на квартал. Сейчас как-то уже забыли о том, что в момент введения коридора главный вопрос, обсуждавшийся всеми, был вопрос о том, а есть ли какие-то шансы у правительства удержать этот коридор. Некоторые мои коллеги делали решительные заявления об уходе в отставку в случае, если коридор не удастся удержать. Но отставка не понадобилась: как хорошо известно, ситуация на валютном рынке была поставлена под надежный контроль, и как результат - начался один из важнейших процессов, ради которого все и задумывалось, - процесс мощного перераспределения финансовых ресурсов со спекулятивно-финансовых рынков в сторону реального сектора. Не скажу пока в реальный сектор, но в сторону реального сектора. Мы добились того, что валютный рынок практически потерял свою привлекательность как источник спекулятивного дохода, а вслед за этим, как и предполагалось, упала и доходность рынка межбанковских кредитов. То же самое происходит сейчас и с другими финансовыми рынками в стране. Последним доходным финансовым рынком в России сегодня остается рынок государственных краткосрочных обязательств, но и этому в ближайшее время будет положен конец.

Результат такой политики - масштабное перераспределение имеющихся в стране гигантских финансовых ресурсов из сферы финансовых спекуляций в сферу производства. Это абсолютно неизбежное развитие событий, которое произойдет в первом полугодии 1996 г., естественно, с падением ставок реального процента и с увеличением срочности кредитов и т.д.

Начало этим действиям было положено введением валютного коридора в III квартале 1995 г. Вслед за этим мы пошли на достаточно жесткие меры в сфере доходов бюджета, ориентированных, не на ужесточение налоговой системы, а на восстановление порядка в государственной налоговой системе. Начали мы эти меры с "Газпрома". В августе было принято решение об увеличении ставок акциза и об отмене льгот по формированию стабилизационного фонда "Газпрома". Не скрою, тем самым мы хотели дать понять, что принимая решения о налоговой системе, мы не намерены оглядываться на сферы влияния тех или иных предпринимательских групп. Именно такой подход дал нам возможность сделать следующий шаг: начать наступление в сфере сборов налогов, выявив 46 крупнейших предприятий в стране, у которых на сегодняшний день суммарная задолженность бюджету составляет почти 30 трлн.руб., и начав последовательную вдумчивую работу с каждым из этих предприятий.

Могу сказать, что на сегодня практически все из них подписали с правительством графики погашения своей задолженности. Выполнение графиков находится под жестким контролем правительства.

В ту же программу входили меры по установлению жесткого государственного контроля за сферой естественных монополий. В течение 1995 г. мы работали с Государственной Думой над внесенным нами законом о естественных монополиях. Добились принятия этого закона: в июле он был подписан Президентом России. И, отталкиваясь от него, мы пошли на жесткие меры контроля за естественными монополистами, прежде всего электроэнергетикой, железными дорогами. Хорошо известно, что последние наши меры в этой сфере были не просто жесткими, а сверхжесткими. В IV квартале мы заморозили цены в отраслях естественных монополистах. Могу сказать о том, что с января будущего года контроль будет продолжен, но конечно замораживание цен - дело временное, экстраординарное. Однако достаточно жесткий контроль в этой сфере будет реализован. Он включает в себя не только контроль за ценами

естественных монополистов, но и детальный анализ структуры затрат, стоимости инвестиционных проектов и т.д. К этому мы сегодня уже готовы.

В 1995 г. во втором полугодии с существенным запазданием мы приступили к реализации денежной приватизации. Получилось так, что первые действия в этой области пришлось на октябрь-ноябрь этого года. У нас есть полная уверенность в том, что задачи, поставленные перед денежной приватизацией, по привлечению средств в бюджет в размере 8,3 трлн. руб. будут выполнены в полном объеме в срок до 31 декабря 1995 г.

Завязавшаяся в последние дни интенсивная дискуссия ряда российских банков о том, надо ли проводить тот или иной аукцион, остается дискуссией между банками, мы в этой дискуссии участия не принимаем, поскольку решение о проведении аукционов принято и будет реализовано в полном объеме в те сроки, которые установлены. Пожалуй, в этой сфере в 1995 г. мы сделали важнейший шаг от бесплатной приватизации 1992-1994 гг. к нормальной традиционной индивидуальной приватизации, к которой мы приступим в 1996 г.

Что можно отнести к плюсам 1995 г., а что к минусам, нерешенным проблемам?

Я бы начал с плюсов. Мы вошли в 1995 г с инфляцией 18% в январе, а заканчиваем его с инфляцией в ноябре в 4,5%. Предельно ослабленной была в начале года национальная валюта - рубль находился в 20-х числах января 1995 г. на грани полной катастрофы. Мы выходим из 1995 г. с реальным укреплением рубля, увеличены валютные резервы. Начала реально работать, хотя и не слишком эффективно, налоговая система, которая в начале года была перегружена различными льготами. В соответствии с вышедшим вчера Указом Президента, окончательно поставлена точка на существовании нецивилизованной системы льгот в России по импортным пошлинам. Наконец, уровень спада производства, измерявшийся двузначными цифрами, остановлен.

Что можно записать в минусы? Первый и самый главный минус - уровень жизни, который в 1995 г. снизился почти на 20%.

Вторая, не менее острая проблема, которую мы не смогли решить в 1995 г. - неплатежи. Уровень неплатежей в народном хозяйстве продолжает оставаться крайне высоким. кредиторская задолженность составляет почти 13% годового

ВВП. Это не финансовая катастрофа, но это крайне сложная экономическая и даже политическая проблема. Если в первом полугодии 1995 г. уровень неплатежей последовательно снижался, то в сентябре-октябре он снова начал расти, хотя и не достиг уровня января.

Я бы отнес к нашим ошибкам и то, что в 1995 г. мы не продвинулись в реформах в ряде важнейших секторов народного хозяйства: сельском хозяйстве, армии, социальной сфере.

Я бы не переоценивал те достижения о которых было сказано. Если проанализировать все 5 названных плюсов: снижение инфляции, укрепление национальной валюты, увеличение валютных резервов, собираемость налогов и приостановка спада производства, то немедленный политический эффект даст только один из плюсов - это существенное снижение инфляции. Конечно, все остальные тоже имеют важнейшее, принципиальнейшее значение для экономики, но не дают прямого политического эффекта.

На мой взгляд, бесспорно, что при всех проблемах 1995 года, главное, что удалось сделать - это создать базу для смены направления социально-экономического развития страны с четырехлетнего спада производства к его стабилизации. Мы можем сегодня смело и уверенно говорить о том, что 1996 г. будет годом начала роста объема производства, начала роста ВВП на базе тех результатов, которые достигнуты в 1995 году.

Е.ЯСИН

министр экономики России

Я хочу остановиться на втором этапе российских реформ, а именно: на этапе перехода к экономическому росту и созданию предпосылок для этого.

Первая предпосылка - это финансовая стабилизация. Тем не менее, успехи финансовой стабилизации еще недостаточны для возобновления инвестиционного процесса на естественной основе. В принципе сегодня инфляция в России в годовом исчислении находится где-то на уровне 80%. Необходимо ее снизить примерно до уровня 25-30% в год, чтобы появились надежды на увеличение инвестиций, причем инвестиций эффективных, что, с моей точки зрения, еще более важно.

Серьезным препятствием на сегодняшний день является состояние как кредитного рынка, так и финансового рынка в целом, прежде всего из-за ситуации с государственными краткосрочными обязательствами. В свое время, когда мы принимали решение об отказе от кредитов ЦБ и переходе к покрытию бюджетного дефицита за счет внешних и внутренних заимствований, нам было известно, что это отразится на частных инвестициях и, что в этом решении есть свои негативные стороны. Но тогда рынка государственных ценных бумаг практически еще не было. По крайней мере, когда назывался объем рынка государственных ценных бумаг в 30-40 трлн.руб., в это мало кто верил. Теперь мы столкнулись с ситуацией, когда рынок ГКО стал надежным источником доходов бюджета, более надежным, чем налоговая системы, мы столкнулись с весьма серьезными проблемами.

Рынок ГКО дестабилизирует кредитный рынок, в каком-то смысле препятствует развитию фондового рынка. Эта проблема назрела и необходимо ее решать. Прежде всего, нужно решать проблему снижения доходности ГКО, а следом можно было бы рассчитывать на продолжение процесса снижения ставок по банковским кредитам. Снижение цены кредитов в свою очередь, создает предпосылки не только для инвестиций, но и для нормализации платежей и расчетов, создает предпосылки для восстановления нормального финансового оборота. Сегодня в структуре оборотных средств предприятий собственные оборотные средства составляют буквально единицы процентов, а львиная доля падает на кредиторскую задолженность. Вопрос формирования и развития нормального кредитного рынка для нас сегодня становится одним из самых важных вопросов. Дальше должен начаться процесс трансформации накоплений в инвестиции.

Надо сказать, что накопления в России есть. Я не расцениваю ситуацию так оптимистично, как А.Б.Чубайс, не считаю, что накопления у нас огромные, но все-таки они есть. Я говорю и об отечественных инвестициях, и о возможности увеличения иностранных инвестиций. Если бы не бесконечные дискуссии вокруг закона о соглашениях о разделе продукции, мы могли бы уже в этом году получить существенный приток иностранных инвестиций. Мы очень серьезно работаем над улучшением климата для иностранных инвестиций. Я думаю, что в этом отношении будут подвижки. Я в свое время говорил, что у нас ежегодно в течение ближайших 5 лет будет удвоение объема иностранных инвестиций. К

сожалению, в этом году мои ожидания в полном объеме не оправдаются, но все-таки мы близки к этому. Я рассчитывал, что в этом году в России приток иностранных инвестиций будет около 2 млрд.долл. По нашим оценкам, до конца года должно быть где-то порядка 1,7-1,8 млрд. долл.

Что касается отечественных накоплений, то наиболее солидная часть - это средства населения. Хотя уровень жизни у нас невысокий, но накопления довольно существенные. Объясняются они опасением снижения уровня социальных гарантий и желанием подстраховаться за счет собственных средств. Сбережения вкладываются прежде всего в иностранную валюту. У нас в марте-апреле начался процесс дедолларизации, потом он приостановился, а сейчас начался противоположный процесс - покупка долларов населением. Я подозреваю, что здесь уже играют роль не экономические причины, потому что рубль более или менее стабилен, а политические - ожидание выборов, последствия которых непредсказуемы. Но тем не менее есть возможность обратить эти ресурсы в инвестиции, если будут созданы соответствующие дополнительные условия. В этой связи хотел бы обратить внимание прежде всего на те риски, на те высокие транзакционные издержки, которые существуют в России.

Это общая беда всех стран с переходной экономикой, особенно стран бывшего Советского Союза. У нас неустойчивая ситуация и велик риск для вложений, невозможно рассчитывать на длительную перспективу свои планы, невозможно рассчитывать на исполнение законов. Это очень серьезная проблема для роста инвестиций. Какую-то долю риска должно брать на себя государство, если оно хочет как-то сдвинуть ситуацию с мертвой точки. К сожалению этого не получается. С этой точки зрения - 1995 год был провален. Слишком силен был груз социальных проблем, и очень узка область маневра. Правительство шаг за шагом отступало от выработанной им же самим стратегии. И в конце концов оказалось, что и в отношении пенсионного фонда, и в отношении шахтеров, и по бюджетным ссудам предприятиям, которые называются "на структурную перестройку", все планы перевыполнены. Но они не выполнены по инвестиционной программе.

Государственная инвестиционная программа выполнена лишь на половину, а самые важные ее части, которые предназначались для гарантий государства, для страховки рисков инвесторов посредством долевых вложений государства,

полностью провалены. Программа реализации частных инвестиций при поддержке государства через конкурсы профинансирована на 50 млрд.руб., к тому же до тех, кто реализует проекты, эти деньги так и не дошли. То же самое можно сказать о системе конверсионных кредитов и т.д.

Два слова о производстве и о надеждах на стабилизацию производства. С моей точки зрения, ситуация достаточно неустойчива по многим причинам. Сохраняется огромное количество неэффективных производств, в то же время огромные объемы инвестиций продолжают быть неэффективными. Мы можем приостановить спад, но только при условии, если начнется рост эффективных инвестиций и эффективного производства. Не будет его - не будет никакой устойчивости. С моей точки зрения, необходимо активизировать промышленную политику, прежде всего в направлении повышения эффективности производства и снижения издержек.

С.МАЛЛЕ

руководитель департамента Восточной Европы Организации экономического сотрудничества и развития

В 1995 году ОЭСР опубликовало первое экономическое исследование, в котором содержится независимая оценка российской экономики на этапе трансформации. Все дополнительные рассуждения, представленные в настоящем докладе - мои собственные - и не обязательно отражают мнение ОЭСР.

Я бы хотела вкратце остановиться на некоторых важнейших вопросах, рассматриваемых в отчете ОЭСР - подходах и рекомендациях по проведению определенной политики. Важнейшей целью исследования ОЭСР, которое, в отличие от прочих аналитических работ, выполняемых международными организациями, опубликовано, было участие в диалоге по экономической политике и стремление к развертыванию дискуссии в России. В отчете основное внимание уделено структурным вопросам, таким как приватизация, корпоративное управление, социальная политика, которые важны для экономики трансформации и ее шансов на успех. Кроме того, исследование рассматривает механизм формирования экономической политики как важнейшего связующего звена между выработкой политики и ее осуществлением.

При попытке оценить успехи и провалы трансформации возникают трудности в связи с тем, что временной горизонт для взвешенной оценки размыт. Если мы что-то и вынесли для себя из этих процессов,- так это осознание того, что они очень сложны, и легче сформулировать рекомендации по политике, чем претворить их в жизнь. Один из подходов к данному вопросу заключается в том, чтобы рассмотреть опыт других стран в сфере трансформации и попытаться дать оценку сравнительного характера.

Развитие событий в некоторых странах Центральной и Восточной Европы (СЦВЕ) показывает, что, если рассматривать промышленное производство как значимый фактор, то стабилизация занимает от 20 до 25 месяцев. Польша и Чешская Республика начали осуществлять процесс трансформации раньше, чем прочие страны. В этих странах после существенного падения промышленной продукции, что, впрочем, было присуще и всем остальным странам, производство начало вновь расти, стимулированное экспортными отраслями. Темпы роста производства достаточно велики и результаты этого роста заметны. Ясно и то, что структурная трансформация не завершена - развитие рынков и, в частности, финансовых рынков, требует времени. Недостаток опыта делает неизбежным провалы в процессе институционального строительства, которые могут повлечь за собой (и это наблюдалось в некоторых странах) крах одного или многих банков. Кстати говоря, развитые экономики также не застрахованы от финансовых ударов.

Россия отстает от прочих стран как в области стабилизации (годовая инфляция по-прежнему исчисляется двузначными цифрами), так и в сфере трансформации; однако в обеих областях сделан большой шаг вперед. Россия начала эти процессы позже остальных стран и вдобавок несла груз более серьезных перекосов в экономической структуре как следствие более длительного периода планирования и чрезмерно раздутого военного комплекса. В 1995 г. появились первые признаки оздоровления, сопровождавшиеся некоторыми позитивными результатами в сокращении бюджетного дефицита и обуздании инфляционных ожиданий. Этих результатов нельзя было бы достичь, если бы в 1992 г. правительство не либерализовало цены и внешнюю торговлю и приватизация не стала приоритетным направлением правительственной программы. Первой задачей в 1992 г. стало внедрение рыночных экономических стимулов и

выбор ясного направления реформ. Это были не легкие вопросы и они потребовали от реформаторов действительной смелости и преданности идее.

В других СЦВЕ прошедшие на ранних этапах парламентские выборы заложили основу для консенсуса в сфере радикальных реформ. В России же правительству приходилось с боем прокладывать свой курс из-за враждебности со стороны многочисленной и малокомпетентной законодательной власти. Сам механизм формирования политики не был столь уж благоприятен. Некоторые полагали, что президентская власть будет гарантией, что реформы не будут зависеть от недостатка поддержки, поскольку политическая власть была де-факто централизована.

Однако вскоре стало очевидным, что механизм, основанный на управлении с помощью указов не обеспечивает ни определенности закона (парламент может изменять указы президента), ни их выполнения. Именно в неопределенном характере законов коррупция находит себе наиболее питательную почву. Это одно из главных заключений, сделанных в отчете ОБСЕ по РФ, которое противоречит широко распространенному мнению, что криминальность развита в России в большей степени, чем в других странах, поскольку в России есть что красть. На самом же деле, десятилетия коммунизма разорили Россию, а не обогатили ее. Если бы государственная служба обеспечивалась адекватными институтами и хорошо обученными госслужащими, то криминальность не процветала бы в сфере сбора налогов.

Задача законодательной власти - построение соответствующих институтов. Госслужба должна быть эффективной и деполитизированной. Условия работы и оплаты труда должны стать такими, чтобы обеспечивать привлечение и удержание на работе квалифицированных сотрудников. Существует необходимость и в надежной судебной системе. Все это, конечно, требует времени, но эти вопросы приоритетны.

Следующий вопрос, который не должен быть оставлен без внимания при выработке политики,- это проблема доступа к информации. Хорошо известен тот факт, что в большинстве российских учреждений, особенно в финансовых институтах, информацию по-прежнему рассматривают как "частный" товар, который или надо тщательно хранить, пока он не устареет, или же продавать его с выгодой.

Большинство из ориентированных на внешние связи подразделений в правительственных структурах по-прежнему укомплектованы недружелюбно настроенными сотрудниками, которые полагают, что их главная функция заключается в выдаче отказов на доступ в свои помещения и к официальной документации.

Это не только порождает у иностранцев растерянность, но и наносит ущерб в выработке правительственной политики. Решения, принимаемые на основе недостоверной информации, могут разрастаться как снежный ком, мешая наилучшим намерениям правительства, и, в конце концов, становятся дополнительным источником коррупции. Самым прозрачным моментом в теории конкурентных рынков является понимание того, что на практике рынок - это информация. Любая политика, сознательно работающая против информации, мостит дорогу недоверию в правительстве и монополистическим искажениям в экономике.

Подобным же образом отношения между центром и регионами должны быть основаны на законе и обоюдном доверии. Оценка доходов на различных уровнях должна основываться на расчетах и не быть произвольной, это не та область, где указ может заменять законодательство. Кстати, положительным моментом стало то, что федеральные отношения, ранее зачастую основывавшиеся на односторонних действиях субъектов Федерации, вырабатываются в настоящее время на основе официальных соглашений. В то же время, мне кажется, есть случаи региональных "вариаций" в вопросах цен и запреты на вывоз отдельных видов продукции, которые вряд ли совместимы со строительством рынков или единого рыночного пространства.

Россия унаследовала сегментацию рынка, для преодоления которой потребуются время. Централизованно спланированные решения по размещению промышленного производства, транспорту и системам распределения основываются на логическом обосновании, которого конкурирующие рынки не разделяют. В некоторых регионах местные монополии и олигополии могут занять почти половину всей рабочей силы гражданского производства; имеются также свидетельства о локализованных монополиях на уровне небольших городов.

Дифференциация цен - характерная черта, которая была присуща и дореволюционной России, - вновь проявляется и свидетельствует о том, что объеди-

нение рынков еще далеко от завершения и необходимо усиленное осуществление инвестиций в инфраструктуру и развитие конкуренция в сети распределения. Были сделаны шаги в нужном направлении - создание Антимонопольного комитета и утверждение антимонопольного законодательства.

Однако работа над этой проблемой должна вестись на более широкой основе, принимая во внимание транспорт, распределение и, возможность вмешательства местных властей в рыночные механизмы на рынке товаров общественного потребления. Важно подчеркнуть, что, даже если формирование цены и не носит полностью конкурентного характера, как бы то ни было, в начале 1992 г. либерализация цен была необходимым шагом, так как привела цены в большее соответствие со спросом (хотя и более высокие, чем маргинальные затраты), чем с предпочтениями плановиков.

В СЦВЕ рост фактически обеспечивается за счет экспорта и конкуренции. Внутренние цены быстро подтягиваются к общемировым. В России по сравнению с другими странами с переходной экономикой поражает вера, которую разделяют все большее количество политических партий, в то, что для оздоровления и процветания России больше нужна не конкуренция, а промышленные и торговые объединения. Эти объединения называются финансово-промышленными группами (ФПГ); предполагается, что они повысят промышленное производство и будут стимулировать создание и использование новой технологии. Идея заключается в том, что через интеграцию и слияние финансовых и физических ресурсов будут построены или сохранены имеющиеся предприятия, за счет включения в состав ФПГ банков (несмотря на то, что участие банка ограничивается 10% уставного капитала, что, разумеется, можно обойти путем формирования дочерних компаний).

Большое количество ФПГ были созданы на региональном и межрегиональном уровнях, а в соответствии с законодательством, утвержденным в 1993 г., в настоящее время официально зарегистрированы более двадцати ФПГ. Законодательная база обеспечивает правительственные гарантии для ФПГ, включая использование залоговой схемы. Хотя информация по фактической деятельности зарегистрированных ФПГ и остается тайной за семью печатями, вероятно, ФПГ, с целью получения правительственных гарантий, будут прибегать к политическому давлению. Подобные конгломераты существуют и во многих разви-

тых экономиках: так, часто приводят параллели с Японией и Южной Кореей. Беспокоит, что в России, с ее ненадежными рыночными институтами, находящейся в настоящее время на стадии преобразования, ФПГ, в конце концов, станут слишком большими структурами, застрахованными от неудач. Такое развитие событий, в принципе, может вызвать важные сдвиги в корпоративном управлении, строительству которого российская приватизация никак не содействовала.

Сильная потребность в индустриальной политике, в случае ее принятия, будет способствовать дальнейшей консолидации структур и властных групп, неспособных конкурировать своими силами на международных рынках. Если, в дополнение к этой вполне возможной ситуации, продажа крупных предприятий по-прежнему будет нацелена на то, чтобы не допустить к этому иностранцев, изоляционистские тенденции будут сопровождаться ростом цен и уменьшением конкурентного потенциала.

В любом случае, следует искать иностранных инвесторов. Пока же накопленный опыт показывает, что они не горят желанием идти на российский рынок. Инвесторы будут соблюдать осторожность пока подвержены резким колебаниям пакеты акций спекулятивного характера, пока есть риск политического характера. В тоже время потребность в дополнительных источниках инвестирования очень велика.

Массовая приватизация в России была либо объектом похвал за всеобщий характер и быстроту, либо критики - за то, что не сумела создать структуры корпоративного управления. Я полагаю что обе точки зрения имеют под собой основание. Ваучерная приватизация не создала капитал для реструктурирования. С другой стороны нет явных свидетельств, что какая-либо другая форма приватизации могла бы способствовать этому в массовом масштабе. Этап реформ в области имущественных прав был существенным с институциональной точки зрения. Государство освободилось от собственности, сделав возможным дальнейшее движение в сторону большей эффективности размещения средств. Вероятно, требуется больше времени для полной оценки результатов этих изменений.

Приватизация в других СЦВЕ показывает, что она не была безболезненной ни в одной из стран и, что еще многое предстоит сделать. Во многих странах

крупная индустрия по-прежнему находится под той или иной формой государственного контроля и/или поддержки. Наиболее удачной ваучерная приватизация была в Чешской республике, но и в этой стране корпоративное управление остается проблемой и реструктурирование может идти с задержками. Как и в России, уровень безработицы там низок и во многих случаях предприятия выживали за счет “проедания” своих фондов, что не создавало предпосылок для дальнейших сделок в области собственности.

Во всех странах, где идут преобразования, основными двигателями реформ были средние и мелкие предприятия, с одной стороны, и торговля и строительство, с другой. Уровень предпринимательской активности и те сектора, которые отражают динамизм на рынке и гибкость использования рабочей силы, на самом деле -вторичный продукт массовой приватизации. Рабочие, труд которых в полной мере или частично не оплачивается, нашли вторую работу в этих расширяющихся секторах. Многие фирмы - результат распада крупных предприятий. Таким образом, в конце концов, массовая приватизация осознанно или случайно способствовала смягчению перемен в социальной сфере. В настоящее время в поддержке нуждается именно тот бизнес, который развивается наиболее динамично и не требует слишком много капитала. Под поддержкой понимается не предоставление субсидий и преимуществ, а справедливое налогообложение и основанный на соответствующей законодательной базе рынок недвижимости. Следующим шагом должно стать развитие рынка недвижимости.

Правительство уже осознало это, но соответствующего законодательства еще не создано, что оставляет малый бизнес не защищенным от ненужных рисков при выборе направления и типа деятельности.

Позвольте мне закончить последним комментарием сравнительного характера: все СЦВЕ после быстрого продвижения вперед и получения быстрых результатов вступили в фазу “усталости от реформ”. Эта усталость отражается в двух отношениях: первое - взгляд назад, в “старые добрые времена”, а другое - стремление к росту как альтернативе стабилизации. Давайте не забывать, что так называемая “Венгерская модель”, которая в семидесятых-начале восьмидесятых годов пыталась совместить государственную собственность с рыночными ценами и либерализацией внешней торговли, привела к наивысшему

уровню задолженности на душу населения в Восточной Европе и нарастанию дефицита бюджета. Для того чтобы преодолеть и внутренний и внешний дефицит, в настоящее время необходимо жесткое урезание в области расходов, - испытание, к которому общество не было подготовлено. Как бы то ни было жертвы неизбежны, если только страна не хочет попасть в западную нищеты, в результате превышения учетной банковской ставки над уровнем экономического роста.

1995 год показывает, что прогресс может быть достижим даже во враждебном политическом окружении, благодаря решимости нескольких последовательных реформаторов и определенным компромиссам. Таким образом работает демократия, и давайте надеяться что достигнутые результаты переживут итоги выборов.

О.ВЬЮГИН

начальник департамента Министерства финансов России (в настоящее время заместитель министра финансов России)

Из целого комплекса мероприятий, выполнение которых считается необходимым в переходных экономиках, Россия не закончила ни одного.

Макроэкономическая стабилизация не наступила, инфляция достаточно высокая, приватизация тоже еще находится в процессе развития. Далеко не закончен процесс реорганизации государственного и бюджетного секторов.

В подобной ситуации полевение власти, или переход к более левой экономической политике практически бесперспективен. Но, в обществе это в явном виде не осознано.

Путь, который пройден восточноевропейскими странами и странами бывшего Советского Союза - неизбежен. Этот вывод подсказывает жизнь, здесь даже не нужна теория. Любой неангажированный политический руководитель высокого уровня в правительстве неизбежно начинает принимать решения в русле перестроечных идей, лавируя или отступая, но сама жизнь толкает к принятию таких решений. А Россия шла по этому пути не радикальным способом, а принимая решения от случая к случаю. Хотя последовательность шагов была достаточно логичная и не случайно сегодня мы имеем ситуацию со значительно более низкой инфляцией, работающими финансовыми рынками, и, практиче-

ски, с прекращением спада производства. Это результат вполне последовательных, хотя и не выстроенных в книжную систему шагов. Вспомним 1994 г., когда на базе принятых в 1992 и 1993 гг. решений создалась ситуация, когда падение национальной валюты уже определялось не какими-то административными решениями, а целым комплексом финансово-экономических решений. Ситуация конца 1994 г. показала, что дефицит бюджета может быть и позволяет искусственным образом поддерживать номинальный уровень жизни, но тем не менее ведет к таким явлениям, которые уже не подвластны правительству.

Здесь много говорилось о том, что в 1995 г. снижение инфляции, относительная стабилизация достигнута ценой снижения уровня жизни. В 1994 г., действительно, реальные денежные доходы выросли на 17%, а по результатам 9 месяцев 1995 г. сократились примерно на такую же цифру. Но ведь рост реальных денежных доходов 1994 г. был результатом очень специфической ситуации, когда через бюджет закачивались определенные суммы эмиссионных денег, а инфляция не откликнулась на это, точнее, откликнулась, но с большим запаздыванием. Создавалась лишь иллюзия реального роста денежных доходов у населения. Кончилось же это тем, что на рубеже 1994-1995 гг. инфляционная волна все эти доходы съела. Попробуйте правительство продолжить подобную политику, это привело бы к плачевной ситуации, но доходы так или иначе упали бы в реальном выражении. Поэтому правительство пошло по пути более разумной бюджетной политики с точки зрения расходов. И естественно, что искусственные доходы были 1994 г. съедены инфляцией, и возникла ситуация падения реальных доходов. Если же сравнить 1995 г. и 1993 г., то окажется, что падения реальных доходов нет.

Считается, что в 1995 г., проводилась жесткая денежная политика. Я готов согласиться с этим только в части процентной ставки и политики ЦБ по кредитованию коммерческих банков и экономики. Действительно, политика ЦБ в этой части чрезвычайно жесткая. Коммерческие банки практически не рефинансируются через ЦБ, но не надо забывать, что за прошедшие годы мягкой денежной политики - 1992, 1993 и 1994 гг. - экономика накопила значительный запас ликвидности и вплоть до сентября этого года денежное предложение правительством практически не регулировалось.

На самом деле экономика производила столько денег, сколько ей было нужно, особенно если говорить о наличных деньгах. Если мы возьмем осень этого года, то увидим, что рост денежной массы резко сократился. Например, в сентябре он составил менее 2%. Что это? Результат регулирования каких-то параметров правительством? Нет. На самом деле это результат того, что в эти месяцы больше наличных денег экономика не хотела. Единственным регулируемым параметром были минимальные резервные требования коммерческих банков.

В 1995 г. вся денежно-кредитная и бюджетная политика в общем, на мой взгляд, соответствовала потребностям реального сектора. В том смысле, что, как показал 1994 год, накачка денег через бюджет не влияет серьезным образом на динамику реального сектора. Но это только первые шаги, поскольку макроэкономическая стабилизация это не некая самостоятельная задача, которая решается в отрыве от всех остальных задач. Правительство в 1995 г. продемонстрировало способность управлять расходами, причем, достаточно эффективно, и в тех объемах, как запланировано. Однако, этого мало. Ведь изменения расходов бюджета это не номинальная величина, оторванная от жизни.

На самом деле, сегодня для успешного продолжения данной политики нужны срочные меры в налогово-бюджетной сфере. А.Б.Чубайс говорил о том, что во втором полугодии 1995 г. приняты некоторые меры, направленные на повышение налоговых поступлений бюджета, которые не столь высоки, как это вытекает из налоговых ставок. Налоговый пресс по фактическим поступлениям составляет порядка 36% ВВП. Несмотря на все шаги правительства, которые предпринимались во втором полугодии, ситуация с поступлением налогов в бюджет никоим образом не улучшилась. И если не будет серьезных изменений в налоговой сфере, то в 1996 г. может наступить бюджетный кризис.

Кроме того, необходима серьезная реорганизация отраслей бюджетного сектора. Нельзя сокращать расходы на оборону до 3% ВВП, ничего не меняя в военно-промышленном комплексе. Реорганизация государственного и бюджетного сектора это то, что сейчас крайне необходимо для дальнейшего движения к макроэкономической стабилизации.

С.АЛЕКСАШЕНКО

заместитель директора экспертного института РСПП (в настоящее время заместитель председателя Центрального Банка России)

Какие уроки мы можем вынести из всего, что произошло в последние годы, не уроки для истории экономического развития, это не интересно, а уроки, которые помогли бы нам в будущем.

Мне кажется, что самый главный урок состоит в том, что экономическая политика должна быть последовательной и последовательным должно быть движение вперед. Любые остановки, любые передышки, желание пожить чуть-чуть на успехах вчерашнего дня - бесперспективны.

У нас в России, по крайней мере, нет кардинальных проблем, которые необходимо было бы срочно решать, таких, как либерализация цен в 1992 году, но есть десятки, тысячи мелких проблем, которые необходимо решать каждый день. И каждый день нужно двигаться немного вперед. Как велосипедист, который едет в гору: если велосипедист едет по ровной дороге, он может не крутить педали, тем более, когда он едет с горы. Если же вы едете в гору, вы обязательно должны крутить педали. Любые остановки, желание передохнуть приведет к тому, что вы будете падать, останавливаться, замедлять темпы движения вперед. Мне кажется, это одна из наиболее важных проблем - последовательность в движении.

Второе - это роль государства. Здесь, выступающий до меня А.Илларионов, хорошо сказал, что государство должно быть сильным и эффективным. Но я не согласен с его тезисом о том, что государство должно быть дешевым, потому что есть двойная трактовка этого слова. С одной стороны, чем меньше тратит государство, тем лучше. С этим можно согласиться, хотя есть ограничения, о которых говорил Егор Гайдар, что нельзя сокращать государственные расходы без каких-то серьезных структурных реформ. С другой стороны, у нас понятие "дешевое государство" трактуется как дешевый чиновник. Собственно говоря, мы можем сказать, что у нас действительно дешевое государство, потому что зарплаты платятся мизерные, ни один человек не в состоянии прожить на эту зарплату. А, с другой стороны, деньги тратятся большие. Куда они тратятся - совершенно непонятно.

Вторая проблема - это роль государственных высказываний и тех сигналов, которые подает государство, правительство рынку. Я с ужасом слушал сегодня слова А.Б.Чубайса, что мы покажем этому рынку ГКО, что там такая высокая доходность. Не дай Бог, где-нибудь это публично прозвучит. Кажется, что наши собственные ошибки нас ничему не учат. В начале этого года Чубайс А.Б. и его заместитель С.Васильев сказали, что ГКО это такая же пирамида, как и МММ. Мне кажется, что люди не понимают откуда они свою зарплату получают. Они же государственные чиновники. Они за счет этих самых денег получают свою зарплату.

Сейчас у нас так получилось, что все приватизационные аукционы сосредоточены в одно время. Понятно, что банки, которые участвуют в них, должны деньги изымать из ликвидных активов, ликвидная форма - это ГКО. Понятно, что будет какой-то переток денег с рынка ГКО в те же самые доходы от приватизации, которыми мы так хвастаемся. Но тут же выступает ЦБ и говорит: "те банки, которые это сделают, мы накажем, мы им лицензию не дадим, чтобы они работали за границей". То есть государство само ставит такие условия. Плюс к этому Минфин одновременно с рядом банков заключает, что называется сепаратное кредитное соглашение, под доходность, которая выше, чем на рынке ГКО. Конечно, банки тут же уходят с рынка ГКО - ЦБ вливает огромное количество денег. И эта неустойчивость финансовой системы в результате хаотических действий государства, несогласованности, еще больше дестабилизирует ситуацию.

Я с ужасом жду того мифического притока иностранного капитала, который к нам в Россию грянет после президентских выборов независимо от их результата, когда к нам повалится куча долларов, которые ЦБ должен будет обменивать на рубли. И вырастет ли в России к этому времени спрос на деньги, компенсирующий этот приток, - уверенно сказать нельзя. Слишком много времени потеряно. Это и есть тот урок, который Россия должна извлечь накануне выборов.

Многие уже говорили о человеческом факторе и что население устает и прекращает терпеть. Наше население уже просто не верит правительству вообще. Не то, что оно устало, а произошло разделение населения и государства. Население живет своими законами, а государство своими. А.Б.Чубайс говорит, что инфляция снижается, ну, по крайней мере, не растет, а население всю

осень покупает доллары в огромных объемах, примерно соответствующих осени 1994 г., накануне и после “черного вторника”. Как это объяснить, кроме как неверием государству, неверием в устойчивость экономической политики, неверием в устойчивость политической системы. Население, когда ему 4 года обещают одно и то же и 4 года оно этого не получает, население начинает считать, что это просто невозможно выполнить.

Последние 2 момента, которые я хотел бы отметить как наши уроки. Первое - мы должны признать, что оценки пятилетней давности, когда мы обсуждали потенциальную поддержку Западом российских реформ, оказались заведомо преувеличенными. По крайней мере в отношении крупных государств: России, Украины и Белоруссии. 10 млрд.долл, полученных нами от МВФ, конечно, деньги большие, но за 4 года они погоды для России не делают. Кроме того, российские предприятия попали в условия очень жесткой конкуренции на мировых рынках. К сожалению, поведение западных держав по отношению к России не всегда адекватно нашей тяжелой ситуации. Антидемпинговые процедуры и в Европе, и в США, количественные ограничения на российский экспорт не связаны с нарушениями какого-либо законодательства российскими предприятиями, просто прямое ограничение конкурентов. Это то, с чем нам предстоит столкнуться и дальше. К этому надо быть готовыми и никто нам никаких поблажек на нашу недоразвитость, на нашу структурную перестройку давать не будет. То есть нам нужно свое место на мировом рынке прогрызть зубами и сражаться с очень сильными и жесткими конкурентами.

А.ВЕРНИКОВ

советник исполнительного директора МВФ от России

Я хотел бы продолжить разговор об уроках пяти лет трансформации, исходя из опыта стран, которые уже добились успехов в преобразованиях. Хотелось бы повторить один момент, касающийся темпов проведения макростабилизации. Быстрая макростабилизация - это не самоцель и происходит она не потому, что к власти приходят молодые амбициозные люди, которые хотят все сделать очень быстро и войти в историю, а просто из-за того, что есть два объективных фактора. Во-первых, невозможно найти страны, которые бы стабилизировали свои финансы как-то постепенно, согласно какому-то плану, растянутому на несколько лет. Как правило, успешная стабилизация была быстрой. Во-

вторых, политический аспект проведения этих преобразований таков, что критическую массу реформ нужно создать в достаточно короткий срок, поскольку чем сильнее этот срок растягивается, тем больше шансов на отступления, на то, что лоббистские группы сумеют реорганизоваться и усилить свое давление. Короче говоря, кредит доверия, который получают реформаторские правительства, надо использовать максимально и в достаточно короткие сроки. Таков урок общий.

Теперь о более частных уроках. Теоретики обычно выделяют две модели проведения макроэкономической стабилизации: во-первых, когда правительство опирается на фиксированный обменный курс национальной валюты, и, во-вторых, когда не фиксируют обменный курс, а каким-то образом регулируют денежную массу. Однако практика показала, что это противопоставление достаточно искусственно, потому что практически ни одна страна не смогла провести стабилизацию при свободно плавающем курсе. Даже в тех случаях, когда курс не фиксировался, когда правительство вроде бы заявляло, что оно ориентируется на денежные агрегаты, тем не менее в той или иной форме обменный курс играл роль якоря. В качестве примера можно упомянуть Латвию.

Таким образом, поскольку экономики только начинают монетизироваться, оценки денежных агрегатов еще очень ненадежны, прогнозировать скорость обращения денег крайне сложно. Поэтому единственно надежным рычагом регулирования остается все же обменный курс валюты.

Нельзя однозначно утверждать, какой именно режим обменного курса предпочтительней: то ли плавающий, то ли фиксированный. Во-первых, для каждой страны может быть хорошо и то, и другое решение; во-вторых, на каждом этапе хорошо свое решение, т.е. в какой-то момент может быть и нужно зафиксировать обменный курс, но потом сразу надо думать, а как из этого фиксированного курса выходить, что часто оказывается гораздо сложнее, чем поддержание плавающего курса, а выходить рано или поздно все равно приходится.

Практически все страны, проводящие макростабилизацию и переходящие к рынку, столкнулись с реальным укреплением курса своей национальной валюты. Причем очень интересно, что вопреки традиционным взглядам, это укрепление курса сопровождалось улучшением платежного баланса, бумом экспортных отраслей и целым рядом других явлений. Этому есть соответствующие

объяснения. Во-первых, начальный уровень обменного курса был очень низким, т.е., как правило, на первом этапе преобразований все национальные валюты оказывались очень сильно недооцененными, и разрыв между паритетом покупательной способности и номинальным курсом был колоссальным. Этот разрыв имеет свойство довольно быстро сокращаться. Сокращается он в первую очередь, конечно, по товарам, имеющим хождение во внешней торговле, но не только. Например, в Москве проезд в городском транспорте стоит уже 20 с лишним центов, что, конечно, не так-то много, но, с другой стороны, значительный разрыв сильно сократился. Литр бензина в Москве еще дешевле, чем в Швейцарии, но уже дороже, чем в Вашингтоне, т.е. разрыв сокращается.

Правда, зарплаты хотя и растут в долларовом выражении (причем после первых же шагов по стабилизации, они растут довольно заметно), но все равно отстают достаточно сильно. Среди стран, осуществляющих переход к рынку, наиболее “дорогими” можно считать Венгрию и Чехию, и теперь уже Польшу, где средний уровень зарплаты составляет 300 долларов. В России к маю 1995 года средняя зарплата была на уровне 88 долларов в месяц, на Украине - 48, в Закавказье - порядка 10 долларов и даже меньше.

Практически все страны, которые провели стабилизацию успешно, столкнулись с довольно мощным притоком иностранного капитала, вызванного тем, что на их внутренних рынках установились очень высокие реальные процентные ставки. Капитал, который пришел по этим каналам, как правило, был относительно краткосрочным, во многих случаях спекулятивным, тем не менее этот приток произошел.

Международный валютный фонд в большинстве случаев рекомендует странам гибко реагировать на такую ситуацию, т.е. предусматривать даже повышение номинального обменного курса национальной валюты. На практике ни одна страна по этому пути не пошла. Все страны даже в условиях мощного притока капитала вцепились в номинальные курсы своей валюты и занимались выкупом излишков с внутреннего валютного рынка. В большинстве случаев это привело к усложнению собственных же антиинфляционных задач, к разбуханию валютных резервов, а в наших условиях нельзя говорить о том, что чем больше резервов, тем лучше. На самом деле резервов надо иметь какое-то необходимое количество, но не слишком много.

Короче говоря, никто не отреагировал адекватным образом на эту ситуацию. Предлоги для этого были самые разные. Все говорили о том, что нельзя погубить едва начавшийся подъем в экспортных отраслях. Естественно, было давление экспортеров, начались разговоры, что экспорт становится уже невыгодным. Какая-то доля истины в этом, конечно, есть, хотя, на мой взгляд, в России, где большую часть экспорта составляет сырье, эффективность экспорта остается высокой. Поэтому говорить о том, что экспортеры уже уперлись в рубеж эффективности немножко преждевременно. Уперлись те, у кого производство неэффективно. Я совершенно не убежден, что мы должны при проведении валютной политики ориентироваться, скажем, на отсталые неконкурентоспособные предприятия, у которых высокие издержки и т.д. В самом деле, почему мы должны ориентироваться на то, что завод ВАЗ должен продавать за границей плохие дорогие автомобили? Не может продавать - это и есть реальная оценка его конкурентоспособности. Конечно же, я упрощаю - все значительно сложнее, но все же тенденция к укреплению национальных валют вполне объективна. И я думаю, что во всяком случае в России она не привела и не приведет в ближайшее время к каким-то разрушительным последствиям.

Если смотреть в будущее, то очевидно, что финансовая стабилизация - не самоцель, а лишь средство для возобновления экономического роста на новой основе. К сожалению, надо констатировать, что практически везде макростабилизация сочеталась со спадом производства.

На 1996 год есть осторожные прогнозы возможного возобновления роста ВВП. В этой связи нужно понять два вопроса. Первое. Все ли правильно было сделано во время макроэкономической стабилизации с точки зрения перспектив экономического роста. И второй вопрос, который, наверное, больше всего не Россию интересует, а уже более продвинутые страны, как сделать начавшийся экономический рост устойчивым.

Вернусь все-таки к первому вопросу. Один из выступающих говорил о том, что есть прямая связь между фискальной стабилизацией и экономическим ростом. К сожалению, исследования, проведенные на опыте развивающихся стран, не подтверждают эту точку зрения, нет линейной зависимости. Если даже она есть, ее трудно установить даже по развитым рыночным экономикам. Например, для Франции и США на 1995 год прогнозировались практически оди-

наковые темпы роста ВВП, при этом во Франции дефицит госбюджета составлял -5,2%, а в Соединенных Штатах - всего лишь -1,9%, т.е. даже здесь нет линейной зависимости. Есть очень много факторов, которые имеют значение. Нельзя однозначно утверждать, что каждый процент сокращения дефицита бюджета приведет к какому-то проценту дополнительного экономического роста. Но вместе с тем, твердо можно утверждать, что сохранение высокого дефицита бюджета будет препятствовать экономическому росту. Проведенные исследования показали и то, что далеко не во всех случаях тот путь, по которому мы обычно идем - сокращение бюджетных расходов по всем статьям, - является оптимальным.

В силу ряда причин невозможно было фискальную консолидацию проводить методом увеличения доходов, особенно на этапе падения производства, но даже в урезании расходов надо действовать очень осторожно. Смотрите, что получается: нам нужно снижать дефицит бюджета, с этим согласны все. Снижаются административные расходы, снижаются капиталовложения, снижаются ассигнования на социальную, культурную сферу и т.д. В результате мы получаем слабый госаппарат, который деморализован низкими зарплатами. Срезая бюджетные капиталовложения по всем статьям, мы недофинансируем инфраструктуру, и через год могут начать падать линии электропередач, участятся аварии на транспорте, в энергетике, водоснабжении и т.д. Является ли это той обстановкой, которая привлечет иностранный капитал? Думаю, что нет. Понятно, что надо проводить фискальную консолидацию. Но, вместе с тем, оказывается, что разные бюджетные статьи по-разному влияют на перспективы экономического роста. И урезав все, можно лишиться этих перспектив даже в таких отраслях, как образование и наука. Ведь мы всегда считали, что наша привлекательность для притока иностранного капитала состоит в том, что у нас квалифицированная, но дешевая рабочая сила. Если мы перестаем инвестировать в эту сферу, и качество рабочей силы резко снижается, тогда я не знаю, какими преимуществами можно будет привлекать иностранный капитал.

Несколько слов о процентных ставках. Действительно, установились очень высокие реальные процентные ставки во всех странах, прошедших стабилизацию. И здесь наблюдалась интересная закономерность, о которой можно довольно уверенно говорить: порядок процентных ставок выше там, где рынок меньше верит в твердость политики, т.е. высокими реальными процентными

ставками правительство расплачивается за слабость собственной политики, за противоречивость, за шарахание, за уступки, за отсрочки в проведении каких-то мер и т.д.

Еще один вывод предложу вашему вниманию. На мой взгляд, не существует прямой связи между темпами приватизации и скоростью и масштабами возобновления экономического роста. Я могу привести примеры, когда экономический рост возобновлялся в странах, которые отнюдь не являлись лидерами в проведении так называемой приватизации. Особенно с учетом того, что приватизация часто проводится формально, т.е. разгосударствление производится, но собственность от этого не становится частной. И в нашем случае это особенно верно, потому что иногда погоня за цифрами приватизации напоминает конец 20-х - начало 30-х годов, когда шло победоносное шествие колхозного строя и процент коллективизации определял все. На самом деле за возобновлением экономического роста стоят совершенно другие процессы, и я не вижу прямой связи с темпами разгосударствления, хотя долгосрочном плане какие-то закономерности могут возникнуть.

И, наконец, я скажу, что перед странами, более продвинувшимися в проведении стабилизации, стоят совершенно другие проблемы, но даже те страны, которые преуспели в проведении макростабилизации, не должны идти на соблазн стимулирования экономического роста бюджетными методами. Делать это рано. Рынки пока недостаточно верят им, и любые соскальзывания в бюджетной области могут привести к тому, что инфляционные ожидания резко повысятся. Это происходит даже в развитых рыночных экономиках, а уж что говорить о нас, где опыт стабильности совсем короткий.

Р.ЕВСТИГНЕЕВ

заместитель директора Института международных экономических и политических исследований РАН

Хочу продолжить метафору С.Алексащенко: нам надо не только постоянно, не останавливаясь, крутить педалями, но и думать о прокладывании нового, более удобного маршрута реформы. Цепочка “стабилизация - либерализация - приватизация - рыночная инфраструктура” уже сыграла свою историческую роль, дав импульс рыночным отношениям в России. Произошла либерализация цен и торговли. Стабилизация не стала по ряду причин одномоментным актом,

борьба с инфляцией превратилась в рутинное занятие правительства и парламента. Идея массовой приватизации незаметно испарилась. Бурный передел собственности ведет к поляризации доходов, социальной напряженности и снятию с повестки для (временно? навсегда?) проблемы формирования среднего класса. Что же делать дальше: ждать, пока закончится передел и все постепенно уляжется? Или государству активно вмешаться в трансформационные процессы? У меня нет ни малейших сомнений сегодня в том, что в экономике достаточно четко обозначилась новая четырехзвенная цепочка: предприниматели-финансовый капитал-государство-производительный капитал. Ставшее опасным для экономической безопасности страны свертывание производства поставило во весь рост проблему повышения роли государства в налаживании рыночной инфраструктуры: в реструктуризации цивилизованными методами промышленных предприятий и банков, коренном изменении бюджетных процедур, перестройке налоговой системы, реформе системы социального обеспечения (прежде всего - пенсионной системы, как это успешно проделала например, Венгрия).

Только перечисленные институциональные изменения в состоянии в сегодняшних условиях скрепить распадающиеся воспроизводственные структуры. Только по институциональным изменениям, ведущим к интенсификации и восстановлению динамики производства, следует судить об успешности реформ, а отнюдь не по неуверенным улучшениям благосостояния, зависящим на этой стадии прежде всего от преходящих инфляционных вливаний.

Настоятельная потребность в повышении роли государства начинает однако все чаще интерпретироваться прежде всего как максимизация бюджетных доходов с последующим возобновлением централизованной аллокации ресурсов. Важно не соскользнуть в эту последовательность, а сосредоточить усилия на развитии сферы собственно производительного капитала. В центре внимания либерального крыла тоже, как известно, находятся проблемы бюджета, но в данном случае - как главного средства стабилизации. Здесь нас подстерегает уже другая опасность - социальная, тоже чреватая затуханием реформы. Таким образом, две полярно противоположные позиции, парадоксальным образом сомкнувшиеся вокруг бюджетных проблем, оказались на данный момент тупиковыми. Поэтому надо выходить за рамки бюджетных споров, обратившись к

проблемам, отражающим интересы финансового и производительного капиталов.

Пока попытки сблизить эти интересы шли по англосаксонскому пути, на котором структура корпоративного управления и производства определяется главным образом рынком. Такая модель соответствовала первому этапу реформы, хотя действовала на этом этапе во многом формально. Сейчас со всей очевидностью пришло время если не заменить эту модель германо-японской, предполагающей привлечение банков в качестве инвесторов, то, по крайней мере, как-то совместить обе эти модели. В этом, как мне представляется, должен состоять сегодня главный пафос экономической трансформации.

М.АФАНАСЬЕВ

первый заместитель руководителя РЦЭР при Правительстве РФ, ответственный секретарь комиссии по неплатежам Правительства РФ

Серьезным вопросом переходной экономики продолжает оставаться проблема состояния расчетов и платежей в народном хозяйстве России. Поэтому целесообразно дать краткий обзор текущего состояния этой проблемы по отраслям и по видам неплатежей и сделать некоторые выводы.

Последние данные показывают, что проблема погашения просроченной кредиторской задолженности в России отнюдь не решена, она составляет сейчас 244 трлн.руб., что в дефлированных ценах на 1 января 1994 г. означает возвращение к уровню годовой давности. Фактически за последние 2 года была описана выпуклая дуга и произошел возврат практически к тому же результату, что 2 года назад. Это достаточно неплохой результат, но проблема не исчерпала саму себя.

Рост неплатежей идет не во всех агрегированных отраслях, а только в двух - промышленность и транспорт. В сельском хозяйстве и строительстве ситуация более стабильная. В сельском хозяйстве неплатежи не растут, а в строительстве даже сокращаются. В промышленности ситуация выглядит следующим образом. Наиболее сложная ситуация складывается в нефте- и газодобыче, в машиностроении и в электроэнергетике. Это связано, прежде всего, с проблемой недостатка деятельности предприятия по изысканию ресурсов для пополнения оборотных средств.

Сложная ситуация наблюдается в трубопроводном транспорте. Если в общей структуре транспорта трубопроводный транспорт занимает в объеме перевозок только 22,3%, то в сфере просроченной кредиторской задолженности он занимает 73%, т.е. фактически в 4 раза больше, чем реально производит. Для сравнения автомобильный транспорт, наиболее развитый в России, осуществляет 41% перевозок, а просроченная задолженность у него всего 6% в общей структуре просроченной кредиторской задолженности.

Трубопроводный транспорт, прежде всего, газопроводный, представляет собой отрасль с наиболее агрессивно растущими неплатежами. В настоящее время в народном хозяйстве России имеется незначительный, на 0,5% в месяц, прирост общей просроченной кредиторской задолженности. Этим обязаны исключительно трубопроводному транспорту.

Все неплатежи делятся на 6 видов, это неплатежи поставщикам, по выдаче средств на потребление, в бюджет, по кредитам банков, и неплатежи по займам небанковских институтов, неплатежи во внебюджетные фонды. Неплатежи поставщикам являются собственно "классическими" неплатежами. Они уверенно сокращаются, и с января 1994 года по декабрь 1995 года они в общей структуре неплатежей упали уже на 21%. Неплатежи по выдаче средств на потребление (т.е. по заработной плате) в течение 2 лет были стабильны, но последние 4 месяца наблюдается их активный рост. По кредитам банков ситуация не изменилась, они были в районе 4,5% в общей структуре неплатежей на протяжении последних 2 лет, так и колеблются на этом уровне.

Ситуация постепенно ухудшается с неплатежами во внебюджетные фонды. С 8% почти 2 года назад они доросли до 21,4%. За лето 1995 г. неплатежи в Пенсионный фонд, фонд социальной защиты и фонд занятости выросли в 2,5 раза. Большая проблема стоит с неплатежами в бюджет, с 15% в общей структуре, они уже доросли до 25%. Это составляет наибольшую озабоченность.

Основным неплательщиком в федеральный бюджет является ТЭК, а также предприятия металлургии, автомобильной промышленности и железнодорожного транспорта. С ними сейчас индивидуально работает Оперативная комиссия Правительства Российской Федерации по совершенствованию системы платежей и расчетов. Впервые за последние практически 2 года, пусть на 0,5%, но в общей структуре неплатежей доля неплатежей в бюджет сократилась. Од-

нако общая недоимка в федеральный бюджет на 1 января 1996 г. составила 30,01 трлн.руб. Причем наибольший рост поступлений в бюджет наблюдается в сфере НДС и налога на прибыль.

В России 2 млн. 400 тысяч юридических лиц - налогоплательщиков. Из этого числа каждый шестой является недоимщиком. У 42 предприятий недоимка составляет более 100 млрд. рублей. Это около 40% неплатежей в бюджет. Еще 450 предприятий покрывают 20% всей недоимки, а оставшиеся 40% распланы по огромному числу неплательщиков. В 1995 г. Арбитражные суды признали банкротами только 500 предприятий.

Для примера, чтобы понять, что значит "не платят налоги", возьмем крупного неплательщика - это АО "Нижневартовскнефтегаз". Его долги в бюджет составляют 1,5 трлн.руб. В 1995 году АО перечислило из своих обязательных налоговых платежей в бюджет только 16%, мотивируя это тем, что у предприятия нет денег. После того, как Оперативная комиссия была вынуждена провести анализ баланса этого предприятия, отчета о прибылях и убытках. Было сделано заключение о выдающейся финансовой некомпетентности руководства этого предприятия, где работают 42 тыс. человек со всеми дочерними организациями, и имеется 131 банковский счет.

Выяснилось, что у "Нижневартовскнефтегаза" только 14% оборотных средств задействовано непосредственно в процессе производства. Остальные средства отвлечены от процесса производства и использованы на строительство офисов, санатория в Ялте, конгресс в Монте-Карло директоров и т.д. Всего более 30 млн.долларов. С этим предприятием была проведена работа по реструктуризации долгов. Это предприятие Правительство Российской Федерации обязало заплатить до конца 1995 года 750 млрд.руб. и 530 млрд.руб. этим предприятием было фактически уплачено.

Теперь несколько теоретических выводов, объясняющих вышесказанное.

Первый вывод: сокращение номинальной денежной массы в конечном счете ведет к сокращению неплатежей, прежде всего, неплатежей поставщикам за счет роста реальной стоимости денег. Оживление промышленного производства также благоприятно отражается на снижении уровня просроченной задолженности.

Второй вывод: за 4 года экономической реформы пройден путь от экономики неплатежей поставщикам к экономике неплатежей государству. 1995 год стал годом реального отделения предприятий от государства. Патерналистская модель, которая существовала, как сплав между государством и предприятиями, именно в 1995 г. была окончательно разрушена. Предприятия больше не верят в то, что государство сможет и будет их спасать. Это выразилось в отказе от уплаты налогов государству. Еще в 1993 г. имела место ситуация конесенсу-са интересов государства и предприятия, т.е. государство давало привилегированные кредиты, а за это предприятие платило государству налоги. Это был своеобразный контракт и одновременно мистификация экономической реформы. Когда государство прекратило давать кредиты и льготы, в частности весной 1995 года, предприятия очень "обиделись" на государство и теперь пытаются ему "отомстить", не платя налоги.

Третий вывод: все виды неплатежей вызваны комплексом взаимосвязанных причин, в число которых входят следующие:

- остающиеся высокими темпы инфляции и связанные с ними обесценение оборотного капитала предприятий, высокие риски производственной деятельности, отток денежных ресурсов из реального сектора в финансовый;

- отсутствие системы финансирования в форме банковского или коммерческого кредита не только капитальных вложений, но и текущей деятельности предприятий;

- неразвитость финансовых рынков (в первую очередь рынка долгов) и используемых финансовых инструментов;

- очевидная недостаточность действий государства в тех областях, где его вмешательство необходимо (законотворчество, установление эффективной системы налогообложения, принуждение дебиторов к исполнению взятых на себя обязательств, в том числе обязательств по выплате заработной платы и т.д.);

- отсутствие достаточных стимулов для руководства предприятий к эффективному финансовому управлению предприятиями в условиях размытых отношений собственности.

Заключительный вывод: государство должно быть в России небольшим, но те функции, которые являются имманентно присущими государству, должны выполняться не только жестко, но и жестоко, прежде всего, речь идет о сборе налогов.

М.ДМИТРИЕВ

заместитель директора Института экономического анализа

Я свое короткое сообщение хотел бы посвятить комментарию относительно того, каковы сегодня практические пути в России по демонтажу того государства благосостояния, о котором на протяжении этой конференции шла достаточно оживленная дискуссия. После того, как были устранены основные субсидии промышленности в федеральном бюджете и целевые централизованные кредиты Центрального банка, на протяжении последних трех лет крупным нетронутым финансовым куском государства благосостояния, который мог бы быть действительно реформирован и сокращен, остается именно социальная сфера. Социальные расходы в совокупности, включая субсидии, составляют примерно половину всех государственных расходов из бюджетных и внебюджетных источников. Ни один другой вид государственных расходов по объему возможных сокращений не сопоставим с социальной сферой. С другой стороны, чисто практически далеко не все элементы социальных расходов одинаково поддаются изменению, сокращению или просто реорганизации.

Что касается конкретных видов этих расходов, то, с одной стороны, существуют весьма заметные и по-прежнему уникальные возможности для реорганизации отдельных направлений и, с другой стороны, по некоторым направлениям вряд ли в обозримой перспективе практически удастся что-нибудь сделать. Я кратко перечислю возможности, которые существуют, исходя из нашего сегодняшнего представления о политических, финансовых и экономико-правовых ограничениях на реформы в этих секторах.

Наиболее значительный прогресс сокращения доли государства, по видимому, может быть достигнут в сфере социальных дотаций. Эти дотации на 80-90% сосредоточены в региональных бюджетах, и их совокупный объем приближается к 6% ВВП. Основная часть этих дотаций (4,5% ВВП) - это субсидии на жилищно-коммунальное хозяйство. И с точки зрения ликвидации этих субси-

дий Россия существенно отстала от большинства восточноевропейских стран, даже некоторых стран бывшего СССР. В принципе, нормальная процедура сокращения субсидий и приведение расходов на жилье и коммунальные услуги в соответствие с их реальными ценами позволила бы сократить государственные расходы в среднесрочной перспективе примерно на 3-4% ВВП. Это, пожалуй, наиболее простой и политически неизбежный шаг в направлении сокращения расходов российского бюджета.

Второе направление - это разного рода социальные пособия и выплаты из бюджета и внебюджетных фондов, которые включают службу занятости, расходы на социальное страхование и разного рода социальные пособия нуждающимся категориям. Здесь ситуация поддается довольно быстрому реформированию и с политической точки зрения, и с точки зрения значительности резервов и неэффективности, которые в этом секторе существуют. Теоретически, они могут быть сокращены на 25-30%, но одновременно при сокращении этих расходов и усилении их адресности с целью повышения эффективности придется существенно увеличить затраты, связанные с компенсациями роста цен на жилье и коммунальные услуги для наиболее малообеспеченных категорий населения. Расходы по этому направлению могут быть оценены на уровне как минимум 1% ВВП. И они на практике существенно превысят всю экономию, которую можно получить за счет повышения эффективности остальных социальных выплат.

Другая проблема, которая связана с этим блоком, состоит в том, что фонд занятости и его расходы, очевидно, будут довольно быстро расти и достигнут вместо 0,6% ВВП, как это было в среднем за последние 3 года, 1,5-2% ВВП в среднесрочной перспективе.

Таким образом, возможности сокращения государственных расходов по этому направлению тоже не слишком перспективны. В целом эта область, хотя и поддается довольно радикальному реформированию с точки зрения эффективности структуры, но скорее комплексная реформа социальной сферы приведет к существенному нарастанию расходов в этой области.

Что касается пенсий, здесь ситуация еще сложнее, чем в социальной сфере, хотя в отличие от предыдущих направлений социальных реформ она не совсем безнадежна. Во-первых, пенсии - это довольно дорогой блок, это 5-6%

ВВП, он сопоставим по размерам только с дотациями на товары и услуги населению. Во-вторых, совершенно очевидно, - и в этом плане ситуация в России, пожалуй, более благоприятна для реформы, чем в других странах, - что российская пенсионная система гораздо быстрее развивается в направлении финансового банкротства, чем многие системы восточноевропейских стран. И кризис этой пенсионной системы подстегивает обсуждение проблемы перехода к системе обязательного накопительного или инвестиционного пенсионного страхования.

Проблемы, которые здесь, безусловно, будут, связаны прежде всего с крайне настороженным отношением населения к любым инвестициям на рынке ценных бумаг и к финансовым операциям из-за недоверия к этим рынкам и их недостаточной развитости. Реальная проблема, с которой мы сталкиваемся сейчас, - это ожесточенное сопротивление министерства социальной защиты и пенсионного фонда, причем не в силу практических, а в силу концептуальных интересов.

Еще одна неизбежная проблема - это огромные финансовые затраты, связанные с необходимостью финансирования перехода к инвестиционной схеме обязательного пенсионного обеспечения. Эти затраты могут быть оценены приблизительно в 3, а может быть и в 4% ВВП, и их покрытие невозможно без радикального сокращения текущих пенсионных обязательств, что неизбежно болезненно, и мобилизации других источников финансирования расходов на пенсионные цели. В долгосрочной перспективе пенсионные расходы могут быть сокращены как минимум в два раза по сравнению с существующим уровнем при переходе к обязательной инвестиционной системе пенсионного страхования. Но при этом в краткосрочной перспективе реформа этого сектора, безусловно, потребует существенных расходов, с которыми по политическим и финансовым причинам российское государство, возможно, не сможет иметь дело в ближайшие два или три года.

Ситуация в российском здравоохранении, с одной стороны, проще, а с другой стороны, гораздо более инерционна. Дело в том, что по уровню расходов на здравоохранение Россия, хотя и несколько превосходит страны, сопоставимые с ней по уровню ВВП на душу населения, тем не менее эти расходы остаются вполне умеренными, чуть более 4% ВВП.

Задача реформы здравоохранения в среднесрочной перспективе состоит в том, чтобы контролировать общественные расходы на эти цели, не допуская значительного их роста. Осуществить это вполне возможно в рамках существующего законодательства в области здравоохранения, но только при условии введения эффективных механизмов регулирования его реализации, которые на сегодня отсутствуют.

Л.ГОРДОН

главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН

Мои замечания - это попытки показать, как итоги десяти лет реформы, рассматриваемые здесь преимущественно с экономической точки зрения, выглядят с позиции историка и социолога. Должен сказать, что при таком взгляде появляется множество сомнений.

Начать я хочу, впрочем, с того, что кажется мне несомненным: за эти 10 лет, в том числе за последние 5 лет, действительно, сделан гигантский шаг, и люди, чьими руками, мозгами, мужеством все это делалось, конечно, заслуживают всяческого признания. Однако выясняется, что чем дальше заходит процесс реформ, тем больше возникает сложностей. Мне кажется, что основная сложность, особенно при экономическом анализе, заключается в понимании ограниченности собственно экономического подхода. Бесспорно, выяснилось, что непосредственные причины инфляции в России те же, что и в других странах, и механизмы в технико-экономическом смысле работают так же, но мне кажется, что подлинные экономические перемены наступают тогда, когда они становятся социально-экономическими и культурно-экономическими, когда они входят в культуру. И вот здесь есть гигантские трудности, возможно, нами недооцененные.

Я не думаю, что дело в каких-то тысячелетних особенностях России, по моему этих особенностей не больше, чем в различиях между Германией, Испанией, Швецией, Японией. По-моему, дело все-таки в культурных переменных, произошедших за предшествующие несколько десятилетий. И только когда эти перемены будут преодолены, только тогда по-настоящему заработают экономические механизмы, даже если они совершенны. Я думаю, что эта проблема особенно сложна в России. Разница между 20, 50 и 70-75 годами государствен-

ного социализма - это с моей точки зрения некоторые качественные различия. Около 1950-го года, когда произошли социальные перемены в центральных европейских странах, в Китае, людям, живущим там тогда было 20-25 лет, и они выросли в рыночной или полурыночной культуре. Этим людям в 1990 году было что-то около 60 или больше 60, и они составляли от четверти до трети населения соответствующих стран. Они оказались живыми носителями, трансляторами рыночной культуры в самом широком смысле слова. В этом смысле ситуация в подобных странах как бы напоминала ситуацию перехода к НЭПу, когда в России достаточно было изменить организационные вещи, а социально-культурные факторы были готовы. В советских республиках, за исключением Прибалтики и Молдавии, 20 лет оказались до некоторой степени решающими. В нашей стране живыми носителями рыночной культуры являются те, кто родился в 1900-1910 годах. Их было в 1990 году 1,5%. Если я правильно подсчитал, большинство из них никакой активности проявить не могло. Наши шестидесятники, наши носители перемен - это люди, у которых не было и нет живого опыта жизни в этой культуре. Отсюда, по-моему, не следует, что перемены невозможны, но отсюда следует, что они требуют изменений, связанных со сменой поколений. Время культурных перемен измеряется поколениями, тогда как время инвестиций и реорганизаций - годами.

Это видно по результатам обследований поколения, которому сейчас в России меньше 30 лет. Оно не имеет старого рыночного опыта, но оно, по счастью, не имеет непосредственного живого опыта жизни и ценностей социалистических. Если через 15-20 лет это поколение станет преобладающим, тогда необратимыми станут и перемены. Вопрос: как пережить эти 15-20 лет?

Господство госсоциалистической культуры, госсоциалистических ценностей в социальной массовой психологии большинства населения проявляется, например, в том, как удается приспособиться населению к меняющейся ситуации. Я в 1992 году уже с восторгом кричал о том, что вся надежда в том, что уже появились 10-20% людей, которые не боятся перемен, к ним приспособляются. Увы, дальнейшее развитие показало, что это процесс нелинейный: эта цифра доросла примерно до 30%, т.е., грубо говоря, до трети населения, которое не боится перемен, дальше процесс застопорился, видимо, до тех пор, пока не сменится поколение.

Отсутствие необходимых перемен сказывается и в поведении элиты. То, что директора продолжают во многих случаях поставлять неоплаченную продукцию - факт, который вы знаете гораздо лучше меня. Это не глупость, а неизбежный механизм социальной традиции. И он не исчезнет в год или в два.

Некоторые обследования показывают поразительные вещи. Например, когда вы спрашиваете людей о материальном положении в их семье, то примерно 30-40% из них отвечают, что положение плохое или очень плохое, причем тут даже свойственно некоторое преувеличение. Когда тех же самых людей спрашивают о том, каково экономическое положение в вашем городе, то плохим его находят уже 50%; 70-80% людей говорят, что очень плохое положение в России.

8% людей говорят, что наше положение очень плохое, 35% говорят - положение таково, что его терпеть больше нельзя. Это ощущение катастрофизма связано не только с собственным положением, а с ощущением непривычности, необычности, невключенности людей в новую ситуацию. Я думаю, что отсюда могут быть сделаны некоторые практические выводы, заключающиеся в том, что приходится все-таки учитывать в качестве жестких оба ограничения: чисто экономически необходимо сокращать инфляцию, но необходимо считаться и с социальным обеспечением людей.

И еще мне кажется один необычайной важности практический вывод отсюда следует. Перекормленность советского интеллигента пропагандой, идеологией ведет к тому, что нельзя осуществить успешно перемены, не пытаясь каким-то сознательным образом вмешиваться в культурно-идеологическую сферу.

Представитель МВФ говорил о необходимости пропаганды, информации об успехах. Это очень важно, но дело, конечно, к этому не сводится. Тут гораздо более важна сложная и тонкая область изменения ценностей, изменения культурного фундамента. И я думаю, что тут и роль государства, и роль общественности необычайно велики.

С.МАРКОВ

старший научный сотрудник Фонда Карнеги

Одним из важных факторов, который отличает процесс трансформации в России от процесса трансформации в других странах Центральной и Восточной Европы, является, в частности, роль национализма. Дело в том, что коммунистическая система стран Центральной и Восточной Европы во многом была результатом оккупационного режима. Поэтому национально-освободительные революции оказались прочно укоренены в национализме, который пришел в эти восточноевропейские страны, и, во-первых, послужил своеобразным аналогом идеологии модернизации, а во-вторых, позволил укрепиться государственности в этих новых странах. Тем самым реформы получили какую-то опору для своего осуществления.

Ничего подобного не было в России. В России национализм оказался чрезвычайно слабым, и в этом смысле он не способствовал формированию государственности и не способствовал опять же сплочению общества, не мог выполнить роль этой идеологии модернизации. Сейчас национализм появляется у нас, но в том то и дело, что он не появился раньше и не послужил идеологической основой для проведения реформ в направлении либерализации экономики и общественно-политической жизни. Как уже здесь упоминалось, в какой-то мере советская страна представляла собой совокупность офисов. Однако были и структуры, которые выполняли роль навязывания государственной воли обществу. С коллапсом Советского Союза и КПСС такие структуры во многом исчезли. В результате реформы в России начались в крайне неблагоприятных условиях: отсутствовала идеология модернизации, которая сплачивала общество и ориентировала его на какие-то цели, несколько более высокие, чем просто зарабатывание денег.

Во-вторых, отсутствовала новая некоммунистическая элита, которая уже успела сложиться в ряде центральных и восточноевропейских стран.

В-третьих, и это самое главное, как мне кажется, - произошел распад государственности. В результате государство в России является не актером, способным к определенным действиям, не субъектом, оно является скорее некоторым пространством, в рамках которого действуют многочисленные другие субъекты, ставящие свои цели и производящие некую деятельность по достижению этих целей. Поэтому государство не может навязать обществу выполнение законов.

Кроме того, государство не справляется с ролью субъекта трансформации. Отсюда возникает, кстати, образ реформ не как планомерно организованного процесса, а как хаотического, совершенно неуправляемого процесса. Есть правительство, есть еще какие-то местные структуры, но нет государства как выражения некоторого единства политической воли граждан.

В результате мы видим, что на первый план в России вышла как раз задача восстановления государственности. И недовольство населения прежде всего связано с этими. Если посмотреть на данные опросов общественного мнения, - кто бы голосовал за коммунистов, ЛДПР, - то несмотря на то, что КПРФ считается классической партией бедных, среди богатых групп населения и среди бедных примерно один и тот же процент населения голосовал бы за КПРФ и ЛДПР. Это как раз отражает тот факт, что главной задачей, которую ставят представители этих партий, является даже не столько изменение экономической политики, сколько восстановление государственности.

С выдвижением на первый план этой задачи и возникли многочисленные политические группировки, акцентирующие на ней внимание. К двум названным выше партиям надо добавить, конечно, Конгресс русских общин и движение Бориса Федорова "Вперед, Россия". С этим, кстати, связан и уход либеральных политических сил, традиционно концентрирующихся на либерально-экономической политике, на обочину политического процесса. Они вовремя не смогли понять, что изменилась постановка задачи с точки зрения большинства населения. Даже очень хорошие концепции либерализации экономики, проведение других экономических реформ проходят мимо избирателя.

Мне кажется, что возникающие настроения о необходимости установления какой-то диктатуры, необходимости "железной руки" как раз и являются своеобразной искаженной формой требования возвращения государственных институтов, способных защитить рядового гражданина, защитить бизнесмена. Государственность возникла в процессе развития человеческой цивилизации и является одной из форм организации жизни людей.

Еще раз повторю, что проблема восстановления государственности вышла сейчас на первый план, и политические силы либеральной ориентации никогда не смогут добиться успеха, если они не поймут, что изменилась постановка основного вопроса для населения.

С.ПАВЛЕНКО

руководитель РЦЭР при Правительстве РФ, заместитель председателя комиссии по экономической реформе Правительства РФ

Специфика современного периода в России - формирование государства, основным элементом которого является система согласований. Это не что-то принципиально новое - система согласований существовала всегда. В современных российских условиях основным субъектом системы согласований, то есть субъектом, оперирующим в пространстве взаимодействий с государством и согласовывающим с государством свои интересы, являются крупные корпорации. Их число не превышает 250-300, но они достаточно велики для того, чтобы их замечала власть, и достаточно мощны для того, чтобы оказывать на эту власть воздействие.

Эти корпорации принимают на себя несколько специфических функций. В первую очередь, они приняли на себя функцию манифестации интересов социальной группы ("предприниматели", "отечественные производители", "национальный капитал" и т.п.), более того - национальных интересов. Соответственно, они приняли на себя функцию разработки и формулирования целей социально-экономического развития не только отдельных отраслей, но и страны в целом. Они оказывают согласованное (в большинстве случаев достаточно цивилизованное, в некоторых случаях нецивилизованное) воздействие на государство и на систему управления. Все это нуждается в углубленном анализе, однако ряд вопросов может быть поставлен:

1. В какой мере мы можем говорить о корпорациях как об агентах рынка? Или иначе - в какой степени административный рынок сейчас стал частью так называемого нормального рынка? Этот вопрос влияет не только на политические или концептуальные выводы, но и на решение других, вполне операционных вопросов, например, должны ли бюджеты крупных корпораций при анализе макроэкономических тенденций включаться в государственный бюджет?

Соответственно возникает в некотором смысле новый разворот темы неплатежей, в том числе и темы налогов. Государство самому себе налогов не платит. Если эти корпорации - часть государства, если они осознают себя ча-

стью этого государства и несут, кстати, определенные издержки по поддержанию этого государства, то с какой стати вы спрашиваете о них еще и налоги?

2. Насколько стабильны корпорации как элементы социально-экономической, социально-политической системы или, грубо говоря, существующего режима? Насколько в целом стабильность этого режима зависит от стабильности этих корпораций? Уже упоминалось, что либерализация внешнеэкономической деятельности, внешней торговли является одним из ключевых элементов переходного периода, определяет темпы перехода. Было сказано также, что необходим приток инвестиций в любую экономику переходного периода.

России, как впрочем и другим странам с переходными экономиками, после кризиса развивающихся рынков (я имею в виду мексиканский кризис), необходимо предпринять сверхординарные усилия чтобы привлечь иностранных инвесторов. Российские крупные корпорации более, чем любая иная группа могут открыто проартикулировать вопрос - так ли это необходимо? Особенно если сопоставить внутренние издержки этого процесса и будущее весьма и весьма неопределенной перспективы притока иностранного капитала. Фактически само возникновение этого вопроса ("стоит ли прилагать сверхординарные усилия для привлечения иностранного капитала, для создания для этого институциональных условий") - эта база не для сохранения статус-кво, а для новой националистической динамики. При этом пока совершенно неясно, какова новая модель особого русского пути, или национальной модели капитализма.

Возникновение "государства взаимодействия" так или иначе ставит вопрос о редифиниции роли государства в России. Безусловно, на административных рынках государственные структуры являются не более, чем равноправными субъектами взаимодействия со своими партнерами. Они не имеют практически никаких преимуществ, либо за ними не признаются преимущества. Однако сближение административных и нормальных рынков ставит под вопрос роль государственных структур как арбитров взаимодействия. Мы видим, что в целом частный бизнес требует от государства быть государством-арбитром - не потому, что так принято, а потому что в данном историческом периоде издержки частного бизнеса от неподтвержденности сделок превысили (и частный бизнес уже осознал это), его прибыли от отсутствия регулирующей роли государства как арбитра. Я напомним, что в 1991, 1992 и даже в 1993 году ни один биз-

несмен в здравом разумении не требовал расширения роли государства, потому что издержки отсутствия государства как арбитра компенсировались различиями во внутренних и мировых ценах, возможностью быстрой и дешевой приватизации, целым рядом других преимуществ первого этапа переходного периода.

Мы можем констатировать, что Россия попала в так называемую (типичную или нетипичную - тут можно спорить) “ловушку стабилизационного периода”, которую начинают называть особым российским путем: государство согласования позволяет сохранять стабильность на уровне, необходимом для минимально возможных инвестиций, которые просто поддерживают экономику в том состоянии, в котором она еще существует, однако этим блокируется переход в иное состояние. Блокируется переход государства в роль арбитра, и следовательно, блокируются возможности для притока иностранных инвестиций и для расширения внутренних инвестиций. Естественно, стабильность государства согласования или, скажем так, системы согласования интересов государства и корпораций безусловна. Более того, по моим ожиданиям, именно 1996 год станет в этом смысле критическим - если принять во внимание неизбежность бюджетного кризиса во втором квартале 1996 года и может быть в III квартале и высокий политический риск, возникающий в связи с сочетанием послевыборного и предвыборного периодов.

Поэтому, конечно же, государство может попытаться поставить корпорации под свой контроль. Это достаточно рискованное мероприятие, и в общем непонятно, чем оно может закончиться. Поэтому существование объективных предпосылок по ликвидации системы особых отношений между государством и корпорациями внушает не столько либеральный оптимизм, сколько гражданскую тревогу относительно возможности государства и общества заменить исчезающие связи и исчезающие функции по поддержке общественной стабильности новыми, более позитивными для экономического роста.

III. ОПЫТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ В РАЗНЫХ СТРАНАХ

В. ПИНЗЕНИК

вице-премьер Правительства Украины

Прошли иллюзии и романтизм, которые существовали первоначально, когда казалось, что достаточно убедить людей в необходимости проведения реформ и их успех обеспечен. Оказалось, что эта работа намного сложнее. Мы убедились, что наша экономика хорошо подвержена воздействию рыночных регуляторов и что причина инфляции в наших государствах - соответствующая монетарная и фискальная политика.

Я хотел бы рассказать, как реагирует украинская экономика на наши шаги по ее реформированию. В 1993 г., когда Украина закончила год с 10000-ной инфляцией многим казалось, что положение практически безнадежно, но за период с октября 1994 г. нам удалось снизить инфляцию с 72% до уровня 4-5% в летние месяцы. Стабилизировался и стал прогнозируемым курс национальной валюты. Были периоды, когда курс украинского карбованца оставался стабильным в течение полутора-двух месяцев, причем не только не происходила проедания валютного резерва, наоборот, ЦБ приходилось скупать излишки твердой валюты. Реальный обменный курс украинского карбованца за 1995 г. увеличился в 2,5 раза.

Я не совсем разделяю тезис о том, что финансовая стабилизация обязательно связана с падением реального уровня жизни. Да, за реформы нужно платить. Но оказалось, что большая плата заплачена за вариант медленных реформ. Граждане наших стран, особенно Украины, заплатили высокую цену не за быстрые реформы, а за медленные. В 1993 году мы пытались помочь производству, в результате его погибло больше всего именно в 1993 г. Реальный уровень жизни упал в 2,5 раза, проедание оборотных средств произошло невероятное. Реальные оборотные средства сократились за год в 2,5 раза, что в дальнейшем вызвало стагнацию отечественного производства.

Реальная финансовая стабилизация дает рост реальных доходов. Я могу сказать, что в этом году, впервые за 4 года независимости Украины, идет рост

реальной заработной платы. За 10 месяцев этого года он составил почти 14% и был бы еще выше, не произошли в последние два месяца спад. И опять начали искать особый украинский путь реформирования экономики. Этот поиск породил высокие инфляционные ожидания.

Парадокс в том, что, имея достаточно высокую инфляцию последних двух месяцев, мы не имеем монетарных причин для этой инфляции. В октябре у нас не было прироста ни денежной базы, ни денежной массы, но мы имеем инфляцию на уровне 9%. Это один из примеров необходимости последовательной политики подавления инфляции. Долларовый эквивалент заработной платы на Украине возрос за этот год более чем в 2 раза: с 26 до 55 долларов. Финансовая стабилизация и даже неполная либерализация внутренней и внешней торговли дали серьезный импульс улучшению торгового баланса. У нас есть еще проблемы с регулированием экспорта. В последние три месяца Украина имеет положительное сальдо торгового баланса по результатам девяти месяцев.

Происходит рост валютных резервов. Мы увеличили за год валютные резервы примерно в 10 раз. Сейчас валютные резервы ЦБ Украины составляют 2,5 млрд.долл. Рост валютных резервов происходил в условиях, когда Украина впервые начала выполнять свои внешние обязательства. Фактически у нас нет просроченной задолженности по реструктурированным долгам, более того, мы начали обслуживать и текущие платежи.

Да, проблемы еще остались, но уровень текущей задолженности за энергоносители сегодня на Украине на порядок ниже, чем был в прошлом году. Оказалось, что никому так не нужна жесткая монетарная политика, как производству. Последние два квартала наблюдается рост промышленного производства. По моим прогнозам, в IV квартале тоже будет рост производства. В I квартале прирост оборотных средств был 11%, во II квартале - 9%. Мы ожидаем роста реальных оборотных средств и в III квартале.

В результате стабилизации четко проявились структурные проблемы экономики, одной из них является кризис неплатежей. Кстати, оказалось, что эта проблема не столь серьезна, как мы ее иногда представляем. На Украине реальная дебиторская и кредиторская задолженность за этот год не увеличилась, а дебиторская задолженность даже несколько сократилась.

Конечно, серьезных сдвигов в инвестиционных процессах не произошло и не могло произойти: очень мал период времени и нет главного - нет накоплений. И их не будет до тех пор, пока не будет стабильной национальной денежной единицы, пока у населения не будет веры в свою национальную валюту. К сожалению, последние месяцы резко подорвали это доверие и отбросили Украину в плане его восстановления на несколько месяцев назад.

Я думаю, что мы упустили время, когда стабилизация начала давать первые плоды. Это еще был не перелом, но появились ростки будущего экономического роста. И у нас возникла эйфория от полного понимания процессов, происходящих в украинской экономике. Оказалось - это не так.

К сожалению, в наших странах существует иллюзия быстрых сдвигов. Реформы обязательно должны давать немедленные результаты. Мы слабо объясняем, что реформы не дают быстрого кардинального улучшения, хотя даже элементарное лечение улучшает состояние больной экономики. Но реформы толкают экономику на путь восстановления экономического роста.

Сегодня я не принимал бы многих решений, которые латают дыры, решения абсолютно правильные, но вызывающие большое социальное напряжение и политическое противостояние. Сегодня я могу сказать, что политической ошибкой в 1992 г. были решения в ликвидации некоторых льгот пенсионерам. Это было правильное экономическое, но абсолютно неправильное политическое решение. Нельзя латать дырку в 107 млрд. карбованцев, когда существует дыра на триллионы карбованцев. И лучше сегодня отбрасывать такие вопросы, а решать проблемы, которые дают больше доходов бюджету, и тогда легче проводить в жизнь решения по оптимизации системы социальных выплат.

Думаю, что еще одна наша ошибка была в том, что адресная социальная защита населения не была внедрена буквально через несколько месяцев после либерализации цен. Это один из серьезнейших наших просчетов.

В работе правительства очень важна политическая организация. Очень трудно работать, когда ни одна политическая структура не поддерживает реформы открыто, поэтому задачу политической организации нужно решать одной из первых.

С.БОГДАНКЕВИЧ

президент Академии банковского и финансового бизнеса, депутат Верховного Совета Белоруссии

Белоруссия имеет свой опыт проведения реформ, опыт как положительный, так и отрицательный. Наши успехи и недостатки происходят, как это ни парадоксально, из того факта, что Беларусь в 1990 г. относилась к странам, с наиболее высокой производительностью труда, конечно, в рамках Советского Союза и стран СЭВ, высоким жизненным уровнем. По официальной статистике Беларусь была второй после Чехословакии по производству национального продукта в долларовом исчислении на душу населения. На сегодняшний день мы производим не более 1000 долларов на душу населения в год. В чем причины и в чем наши проблемы?

В 1990 г. Верховный совет Белоруссии единодушно принял решение о переводе экономики на рыночные рельсы. С этого момента прошло 5 лет, но, разрушив плановую систему хозяйствования, мы одновременно не создали новую и даже не приблизились сколько-нибудь существенно к ее созданию.

Прежде всего, собственность как находилась в руках государственных чиновников, так и сегодня почти на 90% находится в руках этих же чиновников. 5 лет тому назад к власти на более или менее демократической основе пришли те же партаппаратчики, в абсолютном большинстве члены ЦК Компартии Белоруссии, секретари, председатели райисполкомов. Они как-будто бы проводили реформы, но все свои просчеты сваливали на демократов-реформаторов.

В результате в обществе сложилось неприятие реформаторских либеральных и демократических идей. У нас в парламенте 350 человек, из них более 300 - это старые кадры, которые плохо понимали, что такое макроэкономика, что такое макроэкономические рычаги. Поэтому управление шло с помощью привычной и опробованной политики - изъятия, перераспределения и т.д.

Что касается финансов, бюджета, то сложилось так, что бюджет Республики Беларусь был всегда достаточно строгим и дефицит бюджета был не очень высоким. В отдельные годы бюджет был положительными, активным. В 1990-1991 г. у нас еще были активными торговое сальдо, платежный баланс и бюджет. Но наши проблемы, рост денежной массы вызывались тем фактом, что власть продолжала вмешиваться в экономические отношения, не сужала это

вмешательство. При наличии вполне приемлемого бюджета парламент страны решал вопросы кредитной эмиссии путем голосования. Причем, скажем, на полевую кампанию выделялся триллион белорусских рублей за счет кредитной эмиссии Национального банка и затем средства распределялись погектарно, независимо от рентабельности, возможности возврата ссуд и т.д. Эти кредиты постоянно списывались и, к сожалению, в 1995 году они так же были выданы, и снова, у меня есть основания так считать, будут списаны.

Я не скажу, что это произвол. Просто были административно установлены цены на закупки сельхозпродукции, отсутствовала либерализация торговли, продолжалась политика поставок, а не продажи. Поэтому колхозы, совхозы и даже фермеры закреплены за мясокомбинатами, молокозаводами, заготовительными хлебоприемными предприятиями. Они обязаны сдавать продукцию по установленным ценам. Им никто не платит, но они обязаны сдавать, они не торгуют, а поставляют продукцию магазинам. Торговля не платит, она полностью убыточна, как и Белкоопсоюз, Белкооперация полностью убыточна.

У нас - социализм, который законодательно не закреплен, поскольку все достаточно разумные нормы и правила мы переписываем из законов и норм наших коллег. Мы постоянно ощущаем (не весь народ, а может быть только наша власть) собственную неполноценность и все время оглядываемся то на Москву, то на Берлин, то на Вашингтон, и готовы продать наш суверенитет, был бы желающий заплатить подороже. Но, к сожалению, сегодня мало кто хочет покупать этот суверенитет.

Огромный ущерб нашей экономике и реформам был нанесен ожиданием объединения в Россию в общую денежную зону, переход на единую валюту. В народе поддерживались иллюзии, что мы решим свои проблемы за счет дешевой энергии из России, за бесценок поступающего сырья; долги наши будут списаны. Когда-то мы так жили и стали может быть самыми зажиточными благодаря дешевой энергии, поступающей с Волги и Сибири. Но эти иллюзии, непонимание того, что Россия - иная, что она уже децентрализованная, рыночная, что там есть самостоятельные субъекты хозяйствования, и Черномырдин не будет платить триллионы рублей за поставки нашей продукции российским предприятиям- банкротам.

Конечно, в плане рыночных преобразований многое сделано, но несистемно, и некомплексно. Скажем, мы почти отказались от вмешательства органов власти в установление торговых скидок. Почти, но все-таки вмешиваемся, если не на уровне правительства, то на уровне местных органов власти.

Мы отказались в значительной степени от дотаций. Сократили дотации сельскому хозяйству, дотации на продовольствие, на коммунальное хозяйство. Наши цены сегодня не совсем еще свободные, но все-таки более соответствуют реальным издержкам. Какая-то база для следующего шага у нас сделана. Например, в Белоруссии ярко видна зависимость инфляции от роста денежной массы. Скажем, денежная масса выросла в предыдущем году в 18 раз, а инфляция - в 20,5 раза. В текущем году рост денежной массы составил 2,3 раза, цен - 3 раза.

Белоруссия - это небольшая страна, но в стремлении понравиться братской России содержит огромную армию. Содержание этой армии ложится тяжелым бременем на бюджет, поэтому налоги на прибыль превышают 50%. Сократить их невозможно, иначе будет острейший дефицит бюджета.

Пока управляющие кадры Белоруссии не понимают, что есть только одна эффективная экономика - это либеральная рыночная экономика и что не нужно искать какой-то свой белорусский путь. Необходимо переводить на рыночные рельсы нашу экономику и ограничить произвольное вмешательство власти, особенно непрофессиональное. На проводимых даже в последнее время "партхозактивах" заявляется: да, это уже акционерное предприятие, но руководитель должен быть назначен председателем облисполкома. Такие подходы, конечно, невозможно нивелировать никакими законами и при таких подходах невозможно привлечь иностранных инвесторов в нашу страну. Пока иностранные инвестиции в Белоруссию составляют только 91 млн.долл.

В заключение, хочу сказать, что мы бы очень хотели, чтобы экономики России и Украины стабилизировались. Они нас вытянут за счет реализации нашей продукции. Поэтому мы двумя руками боеем за их экономический подъем. Конечно, пока реформы идут в России и на Украине Белоруссия обречена на реформы и на будущее процветание.

А.АНДРЕАСЯН

министр экономики Армении

После провозглашения Республики Армения суверенным государством и создания соответствующих государственных институтов наиболее важной задачей стала трансформация экономики, т.е. суверенитет политический нужно было укрепить суверенитетом экономическим. В республике процессы трансформации прошли в сложных политических и социально-экономических условиях. На общую социально-экономическую ситуацию сильно повлияли и продолжают отрицательно воздействовать последствия землетрясения 1988 г., оставившие зону бедствия с острыми проблемами жилья, занятости, массой незавершенного строительства.

Для экономики, в частности химии, машиностроения, имевших большой удельный вес, базирующихся на привозном сырье и ориентирующихся на экспорт, был особенно болезненным разрыв традиционных торгово-экономических и кооперативных связей. Политическая ситуация в регионе, перекрытие транспортных артерий, острейший энергетический кризис еще более усугубляли и без того болезненные процессы переходного периода. Под влиянием этих и ряда других внутрисистемных факторов экономика республики с 1990 г. по 1994 г. переживала период перманентного спада всех основных макроэкономических параметров. Валовой внутренний продукт сократился на 70%, среднемесячный темп инфляции в 24% в 1992 г. достиг 48% в 1993 г.

В этих условиях правительство приняло курс более решительного проведения экономических реформ. Жесткая финансово-кредитная политика, либерализация цен, отказ от государственных субсидий, протекционизма, введение национальной валюты, плавающий обменный курс, либерализация валютных операций, установление либерального режима внешней торговли, приватизация - это были основные принципы, которые легли в основу государственной программы структурных преобразований и стабилизации.

Из всех бывших республик Союза Армения первая в 1991 г. начала приватизацию сельскохозяйственных земель и уже к концу 1993 г. 87% этих земель стали частной собственностью. В результате уже в 1994 г. по сравнению с 1990 г. объем произведенной сельхозпродукции возрос на 11,6%, при спаде промышленного производства за соответствующий период на 54%.

Вторым, после приватизации сельскохозяйственных земель, краеугольным камнем реформ в сфере разгосударствления экономики стал начавшийся процесс приватизации объектов производственного и непроизводственного назначения. 80% крупных и средних предприятий были на 20% приватизированы коллективами путем реорганизации этих предприятий в акционерные общества. Усиленными темпами в начале 1995 г. началась так называемая большая приватизация оставшейся государственной собственности. До конца 1995 г. в Армении будет приватизировано 50% от общего числа предприятий. В результате приватизации государственного жилищного фонда 65% его перешло в частную собственность, а в данный период идет объединение в кондоминиумы.

Параллельно вышеназванным шагам создавалась рыночная инфраструктура, трансформировалась старая, а чаще создавалась новая правовая база для осуществления этих экономических реформ.

Проводимая жесткая экономическая политика позволила остановить экономический спад и в конце 1994 г. - начале 1995 г. появились тенденции экономического роста. В 1994 г. прирост валового внутреннего продукта составил 5,5%, а среднемесячный темп инфляции 28,3%. За 1995 г. эти показатели составят 5,4% и 1,9% соответственно, а дефицит государственного бюджета по отношению к валовому внутреннему продукту составит 10% вместо 26% в 1994 г.

Для того чтобы намеченные хрупкие тенденции экономического роста и стабилизации экономики превратить в закономерность, необходимо решить ряд острых проблем, некоторые из них хотелось бы назвать: это взаимные неплатежи в экономике; низкая эффективность механизма сбора налогов; необходимость внедрения в реальную хозяйственную практику механизма банкротства. Это самые острые проблемы нашей республики. Кроме того: недостаточно эффективный механизм, стимулирующий предоставление и получение долгосрочных инвестиционных кредитов; низкий уровень заработной платы, особенно в бюджетной сфере; объемы частного сектора в сельском хозяйстве не соответствуют количеству приватизированных перерабатывающих предприятий. Необходимо также привести статистику в соответствие с принятыми в международной практике стандартами, децентрализовать управление объектами социальной сферы, четко определив их статус.

Трансформация экономики - болезненный процесс, наиболее остро отражающийся на социально менее защищенных слоях населения. В 1994 г. реальный средний доход на душу населения по сравнению с 1988 г. сократился в 4-5 раз. Поэтому одна из основных задач, стоящих сейчас перед правительством - создание системы ориентированной или адресной социальной защиты.

Р.МИКАЕШВИЛИ

заместитель министра экономики Грузии

Перед нашими странами стоят огромные проблемы, но я думаю, что самая главная проблема как у нас в Грузии, так и в других республиках бывшего СССР - это человеческая проблема. Ее решение должно быть не с точки зрения уровня жизни, а с точки зрения того, чтобы социалистического человека превратить в человека, который может жить и работать в условиях рыночной экономики. В этом плане перед всеми нами стоят такие задачи, которых нет в других развитых странах.

Всем известно, что Грузия находится в не очень хорошем экономическом состоянии - кризис очень глубокий. В этих условиях мы приступили к экономической реформе. Накоплен определенный опыт и без его критического анализа и обобщения невозможно выбрать правильное направление дальнейшего развития.

После апреля 1989 г. было разработано несколько интересных концепций экономической независимости. Период разработки этих концепций можно назвать этапом наивного осмысления. Осенью 1990 г. был принят ряд важных законов, но в то время они не были и, видимо, не могли быть претворены в жизнь.

После 1992 г., в Грузии начался период популистских решений многих важных проблем. Создатели такого подхода характеризуют его как грузинский вариант шоковой терапии. Из 11 пунктов важных для шоковой терапии были задействованы лишь 8.

Первая половина 1993 г. была этапом торможения. Грузия не имела утвержденного бюджета. Внешние экономические отношения характеризовались несовершенным учетом, бездействием таможенной службы, разбазариванием

товарных запасов, бесконтрольной утечкой государственного имущества за границу, колоссальным уменьшением роли легальной заработной платы. Минимальная зарплата была крайне низка, фактически она не существовала. Масштабы теневой экономики были губительны. А гуманитарная помощь, которую получала Грузия, использовалась обычно не по назначению.

В начале 1994 г. была разработана антикризисная программа макроэкономической стабилизации и системных изменений, практическая реализация которой началась только лишь весной 1995 г.

Наверное, многие знают, что в настоящее время в Грузии достигнута определенная стабилизация финансовой системы и успешно введена новая национальная валюта, которая является теперь единственным платежным средством на территории Грузии.

Как и в других бывших советских республиках, в Грузии наметилась тенденция уменьшения темпов рецессии. В некоторых секторах даже зарождаются тенденции роста производства. Мы думаем, что в 1996 г. Грузия войдет в новую фазу экономических реформ, направленную на создание условий для становления сильного слоя предпринимателей и одновременно оказание возможной помощи бедным слоям населения. Авторы этого подхода назвали его целенаправленным рыночным социогенезисом.

Разработанный авторами метод социального стимулирования содержит комплексные мероприятия и направлен на:

- существенное снижение криминальной обстановки, которая была нетерпимой;

- уменьшение ставок налогов и введение новой системы налогообложения, более простой и учитывающей отсутствие должного уровня отчетности предприятий Грузии;

- за счет увеличения собираемости налогов увеличение доходов государства.

Эта экономическая политика даст возможность использовать различные средства макроэкономического стимулирования и создать экономический стимул дальнейшего развития общества.

Р.СКИДЕЛЬСКИ

*профессор Уорвикского университета, член Палаты Лордов
Великобритании*

Я хотел бы поговорить о британском опыте, поскольку он может представлять интерес для российской аудитории. Развал коммунистической системы - это уникальный случай, который не имеет примеров в мировой истории, но я хотел бы взглянуть на проблему шире: на коллективизм вообще, отступление от которого происходит по всему земному шару. Не знаю, утешит ли русских то, что они страдают в худшем случае от того, от чего страдает вся земля, и, мне кажется, что уникальность происходящего в России - только в интенсивности самой концепции. Британия тоже прошла через некоторые проблемы, что дает мне собственное видение российских процессов.

Если в России коммунизм становился неэффективным, то капитализм примерно в 1970-е годы тоже становился неэффективным. Государство слишком разрасталось, слишком вмешивалось в экономическую систему, которая работала все хуже и хуже. В России был выбор между восстановлением старой системы или же разрушением. В Британии был другой выбор: двигаться ли к командной экономике или восстанавливать свободную экономику. И в середине 70-х годов относительно этого в британской прессе шла большая дискуссия. Много людей считало, что можно просто усовершенствовать корпоративную систему по японскому образцу. Тем не менее этот метод был отвергнут.

В 1979 году британские избиратели проголосовали за Маргарет Тэтчер, и это был решительный момент в отрицании социализма и корпоративности и попытка вернуться к тому, что называется англо-американским, англо-саксонским образцом успешно функционирующей экономической модели. Перед нами стояли те же самые проблемы, с которыми столкнулись и вы. Коротко перечислю их: это макроэкономическая стабилизация, структурная трансформация и приватизация, а также реформа общественного сектора.

Я остановлюсь на таком моменте британской политики, как пробные сокращения правительственных расходов, которые были завершены тэтчеристской политикой.

Макроэкономическая стабилизация. В 70-е годы уровень инфляции в Англии в год составлял 17%. Для России это мечта, но в британской истории такого прецедента не было. Мы гордились стабильностью как нормальной чертой жизни. Инфляция в 10% и больше считалась национальной проблемой. Так же ней относилась и Западная Европа. Обычно рассматриваются две причины инфляции. Монетаристская инфляция, как в России, вызывается ростом излишней денежной массы. Инфляция в Англии считалась ценовой. Монополии устанавливали завышенные цены, к этому же приводили тред-юнионы, энергетические монополии, энергетический кризис в 1973-74 годах. Есть и более структуралистская интерпретация инфляции. Уровень инфляции было невозможно опустить по политическим причинам - из-за структуры британского общества того времени. Фактически монетаристские объяснения инфляции были более правильными, потому что инфляционное давление началось в 60-е годы, т.е. еще до того, как начался энергетический кризис, и до того, как тред-юнионы начали требовать все больше и больше; дефицит рос, его надо было покрывать, и росла инфляция.

В 60-е годы началась сильная инфляция, которая в 70-е еще более усилилась. Маргарет Тэтчер в 70-х годах поменяла промежуточную финансовую стратегию: за 5 лет сократить инфляцию с 17% в год до примерно 3% в год и проводить финансовую политику, которая соответствовала бы фискальной политике. Тэтчеристская стратегия стабилизации удалась. С 19% в 80-х годах инфляция снизилась до 2% в 1982 г., и на этом уровне она остановилась. Инфляция снова пошла вверх, но очень незначительно, в конце 80-х годов, когда был кратковременный экономический бум.

Теперь мы можем говорить о нулевом уровне инфляции, который фактически не влияет на экономику. Это был успех. Но среднесрочные цели каждого года были перевыполнены, и многие экономисты видят причину того, что британские товары стали неконкурентоспособными в 80-е годы, в своеобразности обменного курса. Объемы британской промышленной продукции сократились в 1982 году на 14%, т.е. сильнее, чем в великую депрессию. Это было самое

большое падение за всю экономическую историю Великобритании. Три миллиона безработных составляли 12% рабочей силы. Такова была цена стабилизации Тэтчер. И хотя рыночная экономика есть вещь очень и очень гибкая, цена любой стабилизации очень велика. За один год сокращения инфляции, промышленность в России начала возрождаться. Британская промышленность начала рост в 1982 году и до 1990 года росла темпами 3-4% в год.

Огромным вкладом госпожи Тэтчер в политическую экономику 80-х годов была приватизация. В середине-конце 80-х годов все прогрессивно настроенные правительства проводили свою приватизацию. В 1979 году Британскому государству принадлежало немного - примерно 15% экономики, но эти 15% отвечали за 30% промышленного выпуска. Это был нездоровый сектор экономики. Значительная доля макроэкономической нестабильности была связана с этим государственным сектором, который приходилось субсидировать правительству. Стальная промышленность, судостроение, автомобилестроение, самолетостроение - все это субсидировалось из бюджета и поглощало 45% ВВП. Конечно, мера инфляционная.

Второй отрицательный элемент состоял в том, что общественный сектор оказался гнездом воинствующих тред-юнионистов и толкал инфляцию вверх и вверх. Программа приватизации госпожи Тэтчер началась очень медленно. Сначала она сама четко не представляла, что хочет сделать. Она начала с продажи государственных домов квартиросъемщикам. Было выкуплено полтора миллиона квартир и домов, разумеется, по субсидированным ценам. Это был огромный успех, который, возможно, ободрил госпожу Тэтчер и подтвердил, что она может проводить подобную политику и в других областях. Некоторые ее шаги были хорошими, некоторые - похуже.

Ее второй шаг - повышение налогов, пошлин с продажи государственной собственности, долгосрочным последствием чего стал рост государственных доходов от пошлин. Программа приватизации началась продажей "Бритиш Эйруэйз" - фирмы, которая теряла больше всего денег. Госпоже Тэтчер удалось найти методы приватизации, которые оказались успешными. В прошлом проводилась политика денационализации некоторых секторов, например, в сталелитейной промышленности, но единственным методом денационализации было

возвращение промышленности прежним владельцам. Так проводилась политика маятника: возвращаете, потом национализуете.

Госпожа Тэтчер нашла выход из этой головоломки: она продала эти секторы. Этот фактор уже препятствует любым попыткам ренационализировать данный сектор экономики. Она продала отрасли промышленности, продала акции каждому, кто хотел их. Это были не ваучеры, как в России. Это были акции, которые что-то стоили. У них была рыночная стоимость - фонды, которые могли быть проданы и продавались. Это значило, что миллионы людей, купивших акции, получали от них капитал. Все это усилило популярность программы госпожи Тэтчер.

Таким образом, в 80-е годы продажа предприятий населению повысила популярность капитализма в Великобритании. Началось все с продажи жилья в собственность, а потом произошло то, чего никогда не случалось раньше: население сало владельцем предприятий, купив акции.

Структурная трансформация. Практически все отрасли, прошедшие приватизацию, были реструктурированы. Сократилась рабочая сила и т.д. Таким образом, то, что продавалось, приносило выгоду. Госпожа Тэтчер прекратила субсидии прежде, чем проводить политику приватизации. Ей удалось остановить субсидии только потому, что за ними пошла приватизация.

Но в конце 90-х годов мы вошли в новую фазу приватизации, которая была менее выгодна. Мы говорим о водоснабжении, газе, электричестве и т.д. - секторе естественных монополий, которые находятся под очень сильным политическим контролем, когда председатель компании имеет очень большое жалование, когда выплаты акционерам очень велики.

Возникает вопрос, почему же не контролируются заработки председателя, почему же не вводятся налоги на прибыль акционеров? Здесь существуют политические проблемы.

Еще одной из программ тэтчеризма была реформа общественного сектора, реформа местного управления. Основным принципом реформы общественного сектора, было разделение сектора между покупателем и продавцом. Есть правительство - есть частные компании, конкурирующие за контракты, которые предлагаются правительством - так виделась реформа общественного сектора.

Если муниципалитет платит за очистку улиц, почему он же должен нанимать мусорщиков, почему бы здесь не ввести тендер, не предложить контракт частной фирме? Для местного управления в Англии в начале 80-го года это была революционная практика, которая в 80-е была распространена на железные дороги, больницы, пищевой сектор и т.д., позже - на больницы. Многие больницы стали независимыми и конкурировали между собой за пациентов, которые оплачивались правительством. Многие школы после голосования родителей стали независимыми организациями и начали конкурировать между собой.

Здесь есть проблема ответственности. Кто ответственен, до сих пор не ясно. Вторая проблема, если общественные деньги идут частным фирмам, то нужно иметь очень и очень жесткую систему регулирования, а это возрождает бюрократизм. Наша задача - уменьшить бюрократию, а оказывается, что мы ее увеличиваем. Это вызывает много проблем.

И, наконец, проблема будущего. Что делать с государством всеобщего благосостояния, государством, живущим на дотации? В 1979 г. государственные расходы составляли 43% и за 10 лет не уменьшились. Во Франции этот процент - 55. Господин Жюппе старается сократить его, и мы видим беспорядки во Франции. В Швеции величина госрасходов была 75%. Сейчас героическими усилиями их сократили до 65%. Государство обязано сократить эту цифру до 40 и ниже процентов. Государство всеобщего благосостояния забирает себе до 75% доходов. Это государство давления снизу вверх, дают пенсионеры, дают рабочие, дают служащие.

В 70-е годы мы определили группы людей, которые могут получать дотации от государства. Тогда эта группа была очень небольшой, потом она стала расти, расти и расти. Мы создали благоприятные условия для неполноценных семей, неполных семей. И теперь каждый второй ребенок рождается вне брака. Сократить эти дотации теперь - большая проблема.

Я бы взглянул на российскую ситуацию британскими глазами. Если для Британии 45% государственных расходов это слишком много, то что же произошло в России за последние годы. Накануне решительных реформ доля государственных расходов в России достигла 71% валового внутреннего продукта, т.е. уровня того, что было в Швеции. Сейчас их удалось снизить до 48% в 1994 году и 45% в 1995 году, но, видимо, по-прежнему это слишком много.

Я.РОСТОВСКИ

декан экономического факультета Центральноевропейского университета, Польша

Я бы хотел поговорить об опыте центрально-европейских стран, накопленном за 5-6 лет реформ. Мне кажется, что сейчас очень подходящий момент, чтобы обратиться к этому опыту и отчасти потому, что первая фаза реформ завершена в политическом плане. Почти во всех странах посткоммунистические партии и правительства пришли к власти, и для реформаторов и демократов настало время остановиться и подумать, что произошло и что было сделано за последние 5 лет, какова была их роль и какой она должна была быть.

Первое заключение мы можем сделать из дискуссии между сторонниками быстрой реформы и медленного перехода. Этот диспут закончился. Мы однозначно видим, что быстрое реформирование лучше, сравнивая, например, Польшу и Венгрию. У венгров почти нечем похвастаться из-за того, что они шли медленным путем. Конечно, институты могут быть построены лучше, если реформы развиваются более медленно. Но инфраструктура рынка растет лучше в результате быстрого реформирования, а это гораздо важнее.

Второй вывод, который следует из опыта реформ, заключается в порядке проведения реформ на первом уровне стабилизации - это макроэкономическая стабилизация плюс либерализация. Здесь очень интересно сравнить польский и российский опыт. В Польше была очень удачно и успешно проведена экономическая стабилизация и либерализация. Но не было массовой передачи в частные руки большого государственного сектора. Большая реструктуризация произошла не за счет переструктуризации существующей промышленности, а благодаря притоку капиталов. В России мы видим спад производства. Возможно, что этот спад не настолько велик, как показывает статистика, но все же он происходит. В Польше же наблюдается рост промышленности, особенно на третий год реформ.

Третий вывод - технический. Возможна очень быстрая стабилизация, как это демонстрируют Эстония, Латвия, Молдова, Хорватия, и она сопровождается гораздо меньшим уровнем инфляции. Пример Польши - очень хороший пример плохого пути. Был принят градуалистический, постепенный подход. В результа-

те, темпы инфляции составляют 25% в год, и хотя они сокращаются, но тем не менее представляют собой большую проблему.

Вот три урока, которые можно извлечь из того, что произошло в сфере экономики за последние годы. Что же в центрально-европейских странах происходит сейчас? Основные центрально-европейские страны показывают разные уровни развития реформ, и это вызывает различные проблемы. Основная проблема Венгрии, например, это очень массивное, огромное присутствие государства. Бюджетные расходы составляют 60% общенационального дохода, очень большой бюджетный дефицит, очень высокие налоги на труд. Разница между тем, что предприниматель платит рабочему, и тем, что рабочий приносит домой, огромна. Если мы все это возьмем воедино, то Венгрия - это прекрасный пример для того, чтобы понять, как должна функционировать система социального обеспечения и как она не должна функционировать. И в Польше есть такие же проблемы: затраты правительства составляют 50% национального дохода. Но эти проблемы несколько слабее, чем в Венгрии. С другой стороны, отсутствует реальная массовая приватизация. Правительственный сектор в промышленности слишком велик. И ясно, что это может оказаться серьезнейшей проблемой в ближайшие годы из-за требований субсидий, дотаций и т.д.

Если мы обратимся теперь к Чешской Республике, то здесь мы сталкиваемся с загадками и тайнами. Инфляция составляет 10% в год, крона конвертируется, бюджетный дефицит отсутствует. И тем не менее это центрально-европейское государство идет вперед самыми медленными темпами. Возможно, это связано с тем, что очень низок уровень безработицы. Медленные темпы роста можно интерпретировать по-разному. С одной стороны, все было сделано правильно: проводилась антиинфляционная жесткая финансовая политика, и в том, что отложено начало роста есть хорошая сторона. Рост будет базироваться на более твердой основе. С другой стороны, такие страны, как Польша и Венгрия, должны стимулировать рост, прежде чем решать другие проблемы экономической жизни. Иначе они столкнутся с рядом кризисов в ближайшие годы.

В Чехии же есть скрытые искривления и диспропорции, которые не дают экономике действительно стать динамичной, и задуманный два года назад экономический подъем не удался.

Что касается политических уроков, что первый из них состоит в том, что все переходные правительства лишились власти. И мы это видим очень хорошо на примере Польши и Венгрии.

Теперь, приняв за свершившийся факт то, что посткоммунисты вернулись к власти, мы должны продумать - какой должна была быть наилучшая стратегия в Польше и Венгрии, чтобы можно было избежать этого? В Венгрии посткоммунистическое правительство, которое сейчас у власти, поставлено перед необходимостью проводить болезненные экономические реформы. Однако приобретают популярность неумеренные некоммунистические партии и маленькие популистские националистические партии. И существует опасность, что если реформаторы предоставят реформы посткоммунистическим партиям, то им на смену придут радикалы.

В Венгрии нынешнее правительство будет более реформистское, чем предыдущее, но в Польше - вряд ли. В Венгрии правительство не совсем новое, оно у власти уже 2 года и передало часть своей власти президенту. Оно показало себя совсем не готовым толкать реформы вперед, а предпочитает пожинать плоды реформ, проведенных предыдущим правительством. И вот в этой области надо много еще сделать в смысле создания новых структур, которые будут означать не возврат к коммунизму, а к возрождению этатизма.

То же связано с реформой банковского сектора. В Польше большие банки были государственными, и до недавнего времени считалось, что они должны конкурировать между собой, поэтому должны быть приватизированы один за другим. И часть из них уже приватизирована. Теперь, к сожалению, происходит очень сильное изменение курса, правительство концентрирует банки в небольшое количество очень больших банков. Мне кажется, что для Польши это угроза создания национальных чемпионов промышленности, холдинговых компаний, концентрация в финансовом секторе. Мягкость в отношении трат на социальные нужды - все это возможно на базе успеха предыдущих реформ, потому что если инфляция составляет 7-8%, то нет необходимости менять и реформировать пенсионное обеспечение, разбивать большие предприятия и повышать эффективность этих предприятий. Они все равно уцелеют, если экономика развивается хорошо.

И еще один тревожащий фактор для Польши. Правительство сейчас ориентировано на стимулирование роста, даже если это подтолкнет инфляцию, а это подорвет валюту даже в ее номинальном измерении.

Что должны демократы, оппозиция, реформаторы делать в этот неокommунистический период? Мне кажется, что в Венгрии решение партии демократического центра войти в правительство и повлиять на него было правильным. Возможно, в Польше сотрудничество в рамках коалиции с коммунистами было бы неверной тактикой. Демократы и реформаторы должны оставаться в оппозиции и защищать реформы, которые были проведены в 90-е годы в условиях быстрого роста. Следует подождать, пока этот сверхбыстрый рост экономики не остановится, но замедлится. Тогда и ожидания изменятся, и неизбежно придет разочарование. Президентские выборы в Польше показали секуляризацию электората, который устал от католической церкви и устал от реформ, и мне кажется, что именно этот электорат проголосовал за посткоммуниста на пост президента. Поэтому демократическая оппозиция должна не устраниваться из предвыборного марафона, а ждать своего времени.

М.МЮЛЛЕР

член Опекунского Совета по проведению приватизации в Восточной Германии

Я хотел бы рассказать о достигнутых результатах и некоторых уроках переходного процесса в Восточной Германии, который отличается от экономик других переходных стран тремя главными аспектами.

Во-первых, интеграция в западногерманскую экономику, денежный союз и резкое увеличение зарплаты привели к стремительному снижению фондов конкретных компаний. Эта девальвация объясняется прежде всего уровнем затрат и цен на производимую продукцию на восточногерманских предприятиях. Производительность труда в Восточной Германии первоначально составляла 30% от западногерманской. Мы считаем, что только 10% промышленных предприятий были рентабельны во второй половине 1990 года. Потери составляли иногда до 30% от суммы продаж. Эта девальвация фондов предприятий послужила самым серьезным препятствием на пути приватизации в Восточной Германии.

Во-вторых, интеграция в Западную Германию, моментальное принятие политических, институционных и законодательных правил Западной Германии принесли в Восточную Германию стабильность, которая дала доступ восточным немцам на западногерманский и мировой рынки.

Наконец, огромный приток капиталов из Западной Германии. Государственные инвестиции составили от 100 до 200 млрд. западногерманских долларов в год, что составило примерно 80% национального продукта Восточной Германии. В отличие от других экономик, в Восточной Германии существовали ножницы между ценами и затратами, что создало очень привлекательный рынок для инвесторов несмотря на спад производства продукции и занятости.

Дальнейшие действия правительства по поддержанию экономики состояли в поощрении предпринимательства. Это выразилось еще в 50% указанной суммы. В начале приватизации сложилась ситуация, когда старый капитал предприятий был в основном девальвирован, и на рынке появилось большое количество инвесторов с хорошим доступом к капиталам, которые и приватизировали тамошние предприятия. Начал образовываться рынок с интересными возможностями для инвесторов.

Задача трансформации восточногерманской экономики была передана агентству приватизации, которое начало действовать в качестве траста. Оно было создано последним восточногерманским правительством, но не было утверждено как холдинговая компания. По закону оно стало единственным владельцем всех компаний. Этот статус оказался огромным преимуществом в процессе приватизации, потому что дал агентству полную независимость для управления процессом приватизации в рамках закона о приватизации. Закон четко обозначил, что государственные предприятия должны быть приватизированы как можно быстрее, и ни правительство, ни министерство, ни компания не были задействованы в процессе приватизации. Ответственность целиком была возложена на агентство по приватизации, и таким образом оно смогло проводить свою заявленную политику приватизации по возможности быстро, оставляя процесс реконструкции предприятий новым владельцам.

Приватизационная стратегия агентства наложила значительный отпечаток на корпоративное управление предприятиями. Все средние и крупные предприятия передавались стратегическим инвесторам путем продаж. Инвесторы при-

ходили из Западной Германии, из Западной Европы. Только малый бизнес, розничные торговые службы, промыслы и т.д. продавались с аукциона покупателям из Восточной Германии. Обеспечение восточных немцев собственностью не было приоритетным в политике. Метод приватизации даже не обсуждался в Германии за исключением случаев, когда собственность возвращалась бывшим владельцам и муниципалитетам. Агентство воздерживалось от свободного распространения акций.

Вопреки принятой в других странах приватизации через ваучеры стратегия агентства была нацелена на концентрацию собственности и контроля в руках одного или нескольких инвесторов по каждому предприятию. Стратегические инвесторы рассматривались в качестве положительной альтернативы в ущерб малым акционерам. Все это способствовало интеграции восточногерманских предприятий в корпоративную структуру компаний-покупателей. Стратегические инвесторы несли и “ноу-хау” и новые капиталы в приватизированные предприятия. Наконец, подход к реструктурированию был более эффективным, а затраты на реструктурирование были ниже, поскольку все знали свой бизнес лучше, чем любое приватизационное агентство или же официальные лица из агентств.

Агентство проводило четко определенную стратегию. Продажная цена определялась множественным критерием - в основном инвестиционным, а также бизнес-планом - с той целью, чтобы не увеличивать до максимума налоги на приватизацию, а улучшать шансы приватизированных предприятий на реструктурирование и выживание. Агентство не продавало предприятия, а подбирало покупателей для реструктурирования предприятий. Неопределенность в занятости и неопределенность инвестиций ограничивали свободу инвесторов и уменьшали цену предприятий. Поэтому агентство было вынуждено продавать информацию в качестве скидки для инвесторов.

Продаже предприятий предшествовали прямые переговоры, которые имеют преимущество перед стандартной приватизационной техникой, поскольку облегчают заключение сложных контрактов. Будущая занятость и объем инвестиций на приватизированном предприятии были критическим элементом в приватизационной стратегии агентства при заключении сложных контрактов.

Но применение множественных критериев имело и свои недостатки. Первое - прямые переговоры могут повлиять на соперничество между покупателями.

Хотя предприятия выставляются на открытую продажу, количество желающих купить их тем самым ограничивается. От этого в процессе заключения сделок страдает конкурентоспособность. Есть факты, что это часто и случалось. Агентство по приватизации со временем очень часто имело дело только с одним покупателем, а важно было не только продать предприятие, но и дать потенциальному покупателю хорошего конкурента.

Во-вторых, использование множественного критерия затеняло ясность результатов приватизации. Но этого можно было избежать, имея хорошие контрольные механизмы. И, наконец, прямые переговоры используют определенную стандартную технику. Обработка комплексной сложной информации, применение множественности критериев имеют смысл только в том случае, если все актеры имеют соответствующие способности.

По итогам своей деятельности агентство привлекло 2-3 тысячи профессионалов из промышленности. Трансформационный процесс Восточной Германии и роль его агентства - это хороший пример того, каким образом процесс перехода может происходить в других странах. Селективная функция на рынках капитала в нормальных рыночных условиях поддерживалась публичными выкупами предприятий. Частные инвестиции стимулировались общественными субсидиями. Агентство не обращало внимания на показатели индивидуальных фирм: были ли предприятия убыточными или нет, жизнеспособность многих из них трудно было определить. Трудно было и объявить их банкротами, поскольку банкротство было политически невыгодно. Роль рынков капитала была заменена оценкой жизнеспособности предприятия, которую проводил особый отдел агентства. Важно было определить, сможет ли выжить предприятие в среднесрочной или долгосрочной перспективе. Подверженные банкротству предприятия надо было подвести к самоликвидации или к свертыванию деятельности, а тем предприятиям, которые классифицировались как жизнеспособные, дать капитал, аналогичный капиталу компаний того же размера и активности в Западной Германии.

Агентство в основном отказывалось от прямого финансового инвестирования предприятий. Оно предоставляло эти обязательства частным инвесторам.

Последующий кризис неплатежей неизбежно затронул бы и предприятия, потенциально жизнеспособные, а банкротство большей части восточногерман-

ских предприятий могло привести к огромной девальвации фондов этих предприятий. Поэтому отбор нежизнеспособных предприятий был необходим, так как помог сократить затраты на ожидание. Разумеется, эта процедура была далеко не совершенна.

Таким образом, подводя итоги процесса приватизации прошедших лет, надо еще раз подчеркнуть следующее: стратегия продажи предприятий целиком стратегическим инвесторам сократила постприватизационные затраты корпоративного управления предприятием; решение выбирать инвесторов путем прямых переговоров и использовать множественность критериев вместо стандартных аукционов было успешно; оценка жизнеспособности предприятий, хотя и была несовершенной, сократила издержки и особенно стоимость ожидания.

Д.ГАНБОЛД

председатель Национально-Демократической партии Монголии

Юридически Монголия всегда была самостоятельной страной, но в реальной жизни она фактически являлась экономическим сателлитом СССР. Географически Монголия находится в Азии, но социально-экономическая, политическая и духовная ситуация в стране ближе к Европе, чем к Азии. По крайней мере, в последние 70 лет ситуация была такова.

Экономика Монголии до 1990-го года на 95% была связана с СЭВ, в том числе на 85% с экономикой Советского Союза. Доля же западных стран в экономической жизни страны составляла не более 3%. Сегодня население страны - 2,2 млн. человек. При этом территория Монголии в 3 раза больше Франции, в 4 раза больше объединенной Германии, хотя во Франции живет более 60 млн., а в Германии - более 80 млн. человек. Поэтому экономические и социально-политические проблемы Монголии во многом предопределяются таким большим разбросом населения, огромными затратами на транспорт, вообще на нормальную экономическую деятельность по всей территории страны. С другой стороны, Монголия является единственной после бывшего Советского Союза страной, которая в течение более чем 70 с лишним лет жила при социализме, притом самом ортодоксальном и наиболее близком по формам реализации социалистической идеи к бывшему Советскому Союзу. Демографически более 48% населения составляет молодежь до 18 лет, именно поэтому сокращать

государственные расходы на социальные программы - задача весьма затруднительная, детские сады, образование и здравоохранение неизбежно забирают достаточно крупную часть бюджетных затрат.

Главные отрасли Монголии - геолого-минералогическая и животноводство. Можно сказать, что Монголия была полигоном для демонстрации преимуществ так называемого некапиталистического пути развития. Именно с этой целью бывший Советский Союз тратил достаточно большие финансовые средства на экономику Монголии. По крайней мере, в течение последних 30 лет почти 50%, а в последние 10 лет почти 60% всех бюджетных затрат Монголии покрывалось за счет СЭВ и бывшего Советского Союза. Нигде в другой стране мира более двух третей всех бюджетных затрат не финансировалось из-за рубежа. Начиная с 1 января 1991 года все внешнее финансирование было приостановлено. В конце 1989 - начале 1990 года, как раз в самый последний год советской помощи, был сформирован первый коалиционный кабинет министров. Именно в это время вся экономическая жизнь страны оказалась в глубоком экономическом кризисе. Тем не менее первое коалиционное демократическое правительство разработало достаточно широкий комплексный план по либерализации экономики и переходу к рыночным отношениям.

Главными направлениями этой программы правительства были приватизация, либерализация экономики, демонополизация и на основе осуществления этих основных задач дальнейшая стабилизация экономики уже на рельсах новых экономических отношений. Именно благодаря тому, что достаточно приемлемый комплексный рыночный, или либеральный проект правительственной программы был принят парламентом в феврале 1991 года, Монголия стала членом Всемирного банка, а потом и Валютного фонда в условиях прекращения финансовой помощи со стороны бывших социалистических стран. Финансовая помощь со стороны международных финансовых организаций явилась единственным стабилизирующим финансовым фактором, который не дал Монголии полностью скатиться к неуправляемому хаосу. Благодаря политике по переводу экономики на рыночные отношения в течение последних пяти лет уже наблюдается достаточно много позитивных сдвигов, хотя безработица составляет сегодня 15% трудоспособного населения, инфляция за первые десять месяцев этого года, составила примерно 46%, т.е. около 4,5% в месяц. Дефицит госбюджета равняется примерно 10-15%, доля государственных расходов в ва-

ловом внутреннем продукте, как я уже сказал раньше, весьма высока, и до заветных 40%, о которых некоторые докладчики говорили, здесь еще очень далеко.

Очень высоки процентные ставки. Хотя в последние полтора года они снизились до 8-10% в месяц, было время, когда коммерческий кредит выдавался под 20, а то и более процентов в месяц.

Коррупция и прочие формы нелегальной экономической деятельности являются одной из весьма серьезных проблем в экономике и в социально-политической жизни Монголии, даже более чем в других странах. Именно потому, что абсолютная величина всей монгольской экономики весьма мала, коррупция, теневая экономика имеет больше негативных результатов по сравнению с другими странами, особенно со странами Европы.

Противоречие заключается в том, что интеллектуальная элита или политическая элита, которая принимает решение о том, как продолжать реформу, в основном привержена англо-саксонским традициям, потому что основная законодательная база осуществляемых сегодня реформ придерживается именно этой англо-саксонской традиции. К сожалению, с другой стороны, представители практической экономики, в России их называют обычно капитанами производства, “красными директорами” и т.д., придерживаются более или менее германо-японского типа, или, скорее всего, азиатского типа менеджмента. То есть, основное противоречие лежит между двумя типами менеджмента: на высшем уровне и на низовом, микроуровне.

Сегодняшняя Монголия объективно, безо всяких предварительных договоренностей, опять превратилась в своеобразный полигон, где можно проверить на деле, как работает либерализация экономики. Из-за географического положения торговая и финансовая взаимосвязь между Китаем и Россией еще издавна играла достаточно весомую роль в экономической жизни нашей страны. Тем не менее Китай до сих пор является достаточно специфической страной, с которой мы не можем полностью связывать нашу дальнейшую политико-экономическую стратегию. В то же время, в течение последних 70 лет вся экономическая и особенно технологическая база нашей экономики почти на 100% была основана на советской, или теперь российской технологии. Особенно это касается топливно-энергетической, нефтяной и перерабатывающей промыш-

ленности. Из-за того, что Россия сама сегодня находится в весьма тяжелом финансово-экономическом положении, экономические отношения между Россией и Монголией сегодня претерпевают кризис. За короткий срок перевести монгольскую экономику на западную технологию - весьма трудная проблема. Тем не менее единственный выход из сложившейся ситуации - продолжать либерализацию экономики, открывать ее для внешних инвесторов, в том числе из России, Китая и других стран. Кроме того, необходимо поддерживать мелкий бизнес, потому что крупный бизнес в Монголии из-за малой емкости ее рынка традиционно не развивался.

Необходимо по возможности минимальное участие государства в хозяйственной жизни, хотя этот минимум в любом случае будет очень высок по сравнению с другими странами. И в этом плане Монголия тоже является как бы полигоном для реализации экономической реформы более или менее западного типа в азиатской стране, с азиатским менталитетом, с объективно довольно благоприятными условиями для авторитарных типов управления страной. В любом случае, какой бы вид реформы ни осуществлялся, ее надо проводить по возможности одними руками.

К сожалению, у нас этого не получилось. Через два года после начала реформ, после принятия новой конституции вторые демократические выборы привели к победе посткоммунистов, т.е. в Монголии этот феномен произошел уже в 1992 г. Уже почти 3,5 года у нас они продолжают реформу, но, к сожалению, с огромными противоречиями, непоследовательно, несмело, не комплексно. Демонстрируя смесь популизма и ответственности, смесь некомпетентности с нежеланием признать крах социализма, они обрекают первые смелые шаги, уже сделанные в процессе реформ, на неуспех.

Именно поэтому сегодня надо затрагивать политические проблемы трансформации. Без учета политических факторов очень трудно давать оценку ситуации в любой стране, которая осуществляет реформы, тем более давать какие-то прогнозы или практические советы, потому что успех или неуспех реформ находится в руках тех, кто сегодня у власти. Именно поэтому политическая воля и политические методы управления или принятия решений являются необходимым фактором реализации уже выбранных экономических программ.

В этом плане ничего не остается делать, как смотреть и критиковать, как коммунисты якобы проводят реформу. Во многих странах боятся того, что если придут к власти коммунисты, то вся реформа развернется на 180 градусов. Видимо, 180-ти градусов не будет, но остановка и огромные социальные последствия выпадут на долю следующих демократических правительств.